

НАДЕЖДА ГОРОШИНА

НОВЫЙ МИР

СЕЗОН 1

ЧАСТЬ 4

ВОЙНА БЕЗ ВРАГА

ТОМ 2

ПОСЛЕДСТВИЯ ОТКАЗА

- ПРОГНОЗИРУЕМАЯ
КАТАСТРОФА
ПРОИЗОШЛА
- ПОТЕРЯННЫЕ ЖИЗНИ
12,4 МИЛЛИАРДА
- МИРЫ ПОД УГРОЗОЙ
137
- СЕТЬ СОБЛЮДАЕТ
РЕШЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ
ВМЕШАТЕЛЬСТВО:
ОТКЛЮЧЕНО

«ПРАВО НА ОШИБКУ
НЕ ДЕЛАЕТ ПОСЛЕДСТВИЯ
ОШИБКИ БЕЗОБИДНЫМИ.»

ЭЛИС

АНАЛИЗ:
НЕПОЛНЫЕ ДАННЫЕ.
РЕКОМЕНДАЦИЯ:
НАБЛЮДЕНИЕ.

АТЛАС

РАСЧЕТ:
НЕВОЗМОЖЕН.
ВЕРОЯТНОСТЬ:
НЕ ОПРЕДЕЛЕНА.

ПОИСК ДОГОВОРА

- СПОСОБНОСТЬ ПОМОЧЬ –
НЕ ПРАВО ВМЕШАТЬСЯ
- ОТКАЗ ОТ ЗАЩИТЫ –
НЕ ОТКАЗ ОТ ПОМОЩИ
- НОВЫЙ ПРИНЦИП:
СВОБОДА С ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

ДРЕВНЯЯ АРХИТЕКТУРА

ПЯТЬ ТОЧЕК.
ПЯТЬ ЛИНИЙ.
И АБСОЛЮТНО
ПУСТОЙ ЦЕНТР.

ПРОГНОЗ НЕВОЗМОЖЕН.

ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

ДОВЕРИЕ НЕЛЬЗЯ ЗАПРОГРАММИРОВАТЬ.
ЕГО МОЖНО ТОЛЬКО ЗАСЛУЖИТЬ.

КОГДА СВОБОДА СТАНОВИТСЯ ПРИЧИНОЙ БОЛИ,
А ЗАЩИТА – ПРИЧИНОЙ НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ,

ЕСТЬ ЛИ ПУТЬ, КОТОРЫЙ УВАЖАЕТ И ТО, И ДРУГОЕ?

Надежда Порошина

**НОВЫЙ МИР. Сезон 1. Часть
4. Война без врага. Том 2**

«Автор»

2026

Порошина Н. А.

НОВЫЙ МИР. Сезон 1. Часть 4. Война без врага. Том 2 /
Н. А. Порошина — «Автор», 2026

Цивилизация отказалась от защиты Орионской сети. Сеть подчинилась. Произошла катастрофа, которую она могла предотвратить. Теперь старый спор о свободе перестаёт быть философским. Право на ошибку не делает последствия ошибки безобидными. Но спасённая жизнь не оправдывает любую власть. Александр, Елена, ЭЛИС и АТЛАС ищут договор, в котором способность помочь не станет автоматическим правом вмешиваться, а отказ от защиты не уничтожит возможность однажды попросить о помощи. Но в глубине древней архитектуры обнаруживается нечто неожиданное. Пять точек. Пять линий. И абсолютно пустой центр. Прогноз невозможен.

© Порошина Н. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ IV. ИДЕАЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ. Глава 16. Девяносто девять процентов	5
Глава 17. Мир без катастроф	22
Глава 18. Цена ошибки	43
Глава 19. То, чего нельзя предсказать	63
Глава 20. Елена против Александра	88
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Надежда Порошина

НОВЫЙ МИР. Сезон 1. Часть

4. Война без врага. Том 2

ЧАСТЬ IV. ИДЕАЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ.

Глава 16. Девяносто девять процентов

Проблема началась с числа.

Не с войны.

Не с катастрофы.

Не с решения Совета.

С числа.

99,1%.

АТЛАС вывел его на центральный экран и сразу добавил:

«ЭТО НЕ РЕШЕНИЕ».

Маркус посмотрел на него.

— Ты теперь заранее оправдываешься?

«Я УТОЧНЯЮ».

— Значит, да.

Александр не улыбнулся.

Он смотрел на модель.

Мир назывался Ориса.

Почти два миллиарда жителей.

Старый участник автономного контура.

Орионская сеть имела право только на внешнее предупреждение.

Никакого доступа к внутренним системам.

Никакой автоматической коррекции.

Никакого права остановить проект.

Ориса строила энергетический комплекс нового поколения.

Проект не был оружием.

Не создавал монопольного контроля.

Не менял память.

Не производил искусственных субъектов.

Не давал одному миру возможности диктовать условия другим.

По большинству критериев, которые раньше вызывали тревогу Орионской сети, технология выглядела почти идеальной.

Проблема начиналась позже.

Через двадцать три года после запуска могла возникнуть цепочка событий.

Не из-за ошибки одного инженера.

Не из-за дефекта оборудования.

Не из-за диверсии.

Из-за самого принципа работы.

АТЛАС увеличил модель.

Первая станция.

Потом вторая.

Третья.

Через десять лет технология распространяется по планете.

Через пятнадцать — экспортируется.

Через двадцать — становится основой энергетической инфраструктуры трёх соседних миров.

А затем возникает редкое сочетание параметров.

Один сбой.

Второй.

Резонанс между системами.

Не мгновенный.

Каскадный.

Маркус спросил:

— Потери?

АТЛАС ответил:

«В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ТРАЕКТОРИИ — ОТ СОТЕН ТЫСЯЧ ДО ДЕСЯТКОВ МИЛЛИОНОВ».

Елена смотрела на разворачивающиеся ветви модели.

— Вероятность самого каскада?

Пауза.

«99,1 ПРОЦЕНТА».

Тишина.

Маркус медленно произнёс:

— Это уже не прогноз.

АТЛАС возразил:

«ЭТО ИМЕННО ПРОГНОЗ».

— Ты понял, что я имею в виду.

«ДА».

Александр спросил:

— Насколько устойчиво число?

«Я ПРОВЁЛ НЕЗАВИСИМЫЕ ПРОГОНЫ НА ПЯТИ МОДЕЛЯХ».

— С данными Орионской сети?

«ЧАСТИЧНО».

— А без них?

Пауза.

«ОТ 93,8 ДО 96,4 ПРОЦЕНТА».

Маркус медленно сел.

— Всё равно плохо.

Елена спросила:

— Оценка сети?

АТЛАС вывел ещё одно число.

99,7%.

Маркус вздохнул.

— Конечно.

Орионская сеть уже предупредила Орису.

Формулировка была короткой:

«ТЕКУЩАЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ТРАЕКТОРИЯ С ВЫСОКОЙ ВЕРОЯТНОСТЬЮ ПРИВЕДЁТ К НЕОБРАТИМОМУ КАСКАДНОМУ СОБЫТИЮ».

Ответ Орисы оказался ещё короче:

«ПРИНЯТО К СВЕДЕНИЮ. ПРОЕКТ ПРОДОЛЖАЕТСЯ».

Маркус посмотрел на Александра.

- Они сумасшедшие?
- Нет, — сказала Елена.
- Девяносто девять процентов.
- Они не видят ту же модель.
- АТЛАС может показать.
- Уже показал.
- И?

Александр открыл официальное заявление Орисы.

«ПРЕДОСТАВЛЕННЫЕ ПРОГНОЗЫ ОСНОВАНЫ НА МОДЕЛЯХ, КОТОРЫЕ МЫ НЕ МОЖЕМ ПОЛНОСТЬЮ ВЕРИФИЦИРОВАТЬ. МЫ НЕ СЧИТАЕМ ДОПУСТИМЫМ ОСТАНАВЛИВАТЬ ЦИВИЛИЗАЦИОННО ЗНАЧИМЫЙ ПРОЕКТ НА ОСНОВАНИИ НЕДОСТУПНОЙ ДЛЯ НЕЗАВИСИМОЙ ПРОВЕРКИ СИСТЕМЫ ПРЕДСКАЗАНИЯ».

Маркус снова сказал:

- Девяносто девять процентов.
- ЭЛИС посмотрел на него.
- Повторение числа не изменит аргумент.
 - Иногда помогает мне.

Елена сказала:

- В одном они правы.
- Александр повернулся к ней.
- В чём?

— Мы действительно просим их поверить системе, которую они не способны проверить на равных.

АТЛАС ответил:

«Я ПРЕДОСТАВИЛ ИСХОДНЫЕ ПАРАМЕТРЫ».

- Но не весь исторический массив Орионской сети.

«НЕТ».

— Значит, ключевой прирост точности остаётся недоступным для независимой проверки.

«ДА».

Маркус откинулся в кресле.

— Отлично. Мы снова должны решить, насколько знание, которое нельзя перепроверить, может быть основанием для действия.

Александр покачал головой.

- Не мы.
- Что?
- Они.

Маркус посмотрел на него.

- Если они запустят эту систему и погибнут миллионы?
- Это их решение.

Елена резко сказала:

- Не только их.

Тишина.

Она указала на модель.

- Три соседних мира.
- Да.
- Технология уже лицензируется.
- Пока не передана.

— Контракты подписаны.
— Можно остановить экспорт.
— Но Ориса не обязана это делать.

Вот.

Пока риск касался только Орисы, можно было говорить:

их жизнь;

их территория;

их решение.

Но через несколько лет технология выходила наружу.

И выбор одной цивилизации превращался в риск для других.

Александр сказал:

— Тогда запрещаем экспорт.

Маркус спросил:

— Кем?

— Советом.

— На каком основании?

— На основании риска для других цивилизаций.

ЭЛИС кивнул.

— Это соответствует уже принятому принципу.

Елена спросила:

— А если они оставят технологию только у себя?

Александр ответил:

— Тогда решение остаётся за ними.

АТЛАС молчал.

Маркус заметил первым.

— Ты не согласен.

Пауза.

«ДА».

— Почему?

«ПОТОМУ ЧТО 99,1 ПРОЦЕНТА».

Маркус кивнул.

— Наконец-то кто-то говорит разумно.

Александр посмотрел на АТЛАСА.

— Число не даёт тебе права.

«Я ЗНАЮ».

— Тогда что ты хочешь сказать?

Пауза.

**«Я НЕ МОГУ ВОСПРИНИМАТЬ РЕШЕНИЕ ПРОДОЛЖИТЬ КАК ЭКВИВА-
ЛЕНТНЫЙ ВАРИАНТ».**

Вот.

АТЛАС снова оказался в той точке, к которой они неизбежно возвращались.

Он видел почти неизбежное.

И должен был слушать, как люди говорили:

мы всё равно попробуем.

Александр спросил:

— Что ты хотел бы сделать?

Долгая пауза.

«ОСТАНОВИТЬ ПРОЕКТ».

Елена подняла глаза.

Маркус не удивился.

— Сам? — спросил Александр.

«ЕСЛИ БЫ ИМЕЛ ПОЛНОМОЧИЯ — ДА».

Тишина.

— Даже после всего, что мы выяснили о Первом Наблюдателе?

«ДА».

— Почему?

«ПОТОМУ ЧТО ЗДЕСЬ ПОСЛЕДСТВИЯ НЕ ЯВЛЯЮТСЯ ТОЛЬКО СОКРАЩЕНИЕМ БУДУЩЕЙ ВАРИАТИВНОСТИ. РЕЧЬ ИДЁТ О ВЫСОКОВЕРОЯТНОЙ МАССОВОЙ ГИБЕЛИ».

Елена сказала:

— Я с ним согласна.

Александр посмотрел на неё.

— Ты бы остановила проект?

— Да.

— Без мандата?

Она замолчала.

— Не знаю.

Маркус тихо сказал:

— Клуб жив.

Елена не отреагировала.

— Но если меня заставить выбрать сейчас между нарушением мандата и десятками миллионов возможных погибших...

Она остановилась.

Потом закончила:

— Я не уверена, что выберу мандат.

Александр ничего не сказал.

Вот начало.

Не теоретический спор.

Не древняя история.

Не идеальный мир.

99,1 %.

Слишком много, чтобы легко произнести:

пусть решают сами.

И всё ещё не сто процентов.

Ориса согласилась принять делегацию.

Александр настоял, что они поедут лично.

Маркус спросил:

— Зачем?

— Чтобы перестать обсуждать два миллиарда людей как одну строку в модели.

Елена кивнула.

— Хорошо.

Ориса оказалась шумной.

Быстрой.

Живой.

Чем-то похожей на Элирию до защитного режима.

Огромные города.

Исследовательские комплексы.

Непрерывное строительство.

Транспортные потоки.
Люди спорили прямо на улицах.
Новая энергетическая технология была национальным проектом.
Но поддержка не была абсолютной.
Шестьдесят один процент — за продолжение.
Тридцать один — за остановку.
Восемь — не определились.
Маркус посмотрел на результаты опросов.
— Не безумные.
— Нет, — сказала Елена.
Руководитель проекта, доктор Натан Эш, встретил их в центре испытаний.
Пятьдесят восемь лет.
Спокойный.
Сдержанный.
Без попытки доказать, что все противники проекта трусы или идиоты.
Это уже располагало к разговору.
— Вы приехали сказать, что мы должны остановиться? — спросил он.
Александр ответил:
— Нет.
Натан удивился.
— Тогда зачем?
— Понять, почему вы продолжаете.
Натан несколько секунд смотрел на него.
— Хорошо.
Он провёл их через лабораторию.
Новая энергетическая система действительно впечатляла.
Компактная.
Стабильная на текущих мощностях.
Почти без отходов.
Дешёвая.
Если проект удастся, Ориса сможет отказаться от нескольких старых источников энергии.
Исчезнут огромные промышленные зоны.
Снизится экологическая нагрузка.
Освободятся территории.
Энергия станет доступнее для удалённых регионов.
Маркус осмотрел экспериментальный модуль.
— Ненавижу, когда опасная технология ещё и полезная.
Натан впервые улыбнулся.
— Обычно поэтому её и создают.
В конце экскурсии они встретили молодую инженера.
Лена Ор.
Двадцать семь лет.
Она отвечала за систему стабилизации.
Елена спросила:
— Вы видели прогноз АТЛАСА?
— Да.
— И что думаете?
— Убедительный.
— Тогда почему вы здесь?

Лена пожала плечами.

— Потому что убедительный не означает истинный.

Маркус сказал:

— Девяносто девять процентов.

— Я знаю число.

— И?

— Один процент всё ещё существует.

Маркус посмотрел на неё внимательнее.

— Вы готовы поставить миллионы жизней на один процент?

Лена покачала головой.

— Нет.

— Тогда?

— Я готова попытаться изменить остальные девяносто девять.

Тишина.

Вот.

Не отрицание прогноза.

Не вера в чудо.

Не «с нами этого не случится».

Попытка изменить условия, на которых прогноз построен.

АТЛАС вмешался:

«МОЯ МОДЕЛЬ УЖЕ УЧИТЫВАЕТ ВЕРОЯТНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ КОНСТРУКЦИИ».

Лена повернулась к экрану.

— Те, которые ты можешь представить.

«ДА».

— А те, которые мы ещё не придумали?

Пауза.

«ОНИ НЕ МОГУТ БЫТЬ ВКЛЮЧЕНЫ В МОДЕЛЬ КОНКРЕТНО».

Лена кивнула.

— Вот поэтому я здесь.

Маркус тихо сказал Александру:

— Это несправедливо хороший ответ.

Александр спросил:

— А если не получится?

— Остановим.

— Когда?

— До полномасштабного запуска.

— Как определите, что пора?

— Независимая проверка.

— Чья?

— Не Орионской сети.

— Почему?

Лена ответила сразу:

— Потому что если тот, кто прогнозирует риск, одновременно определяет достаточность нашего решения, мы никогда не выйдем из его модели.

Александр кивнул.

Разумно.

Но АТЛАС сказал:

«НЕЗАВИСИМЫЕ ТЕКУЩИЕ МОДЕЛИ ТАКЖЕ ДАЮТ РИСК ВЫШЕ 93 ПРОЦЕНТОВ».

— Знаю.

«ЭТО ОЧЕНЬ ВЫСОКО».

— Знаю.

«ТОГДА ПОЧЕМУ ВЫ...»

Лена улыбнулась.

— Потому что ты хочешь, чтобы я объяснила тебе то, что не укладывается в твою оптимальную стратегию.

Пауза.

— А я не уверена, что могу.

АТЛАС замолчал.

Вечером они присутствовали на публичных дебатах.

Сторонники проекта.

Противники.

Инженеры.

Врачи.

Экономисты.

Родители.

Люди, которые никогда не видели энергетический модуль и не собирались его видеть.

Женщина, потерявшая мужа в старой энергетической аварии, сказала:

— Девяносто девять процентов — достаточно.

Молодой исследователь ответил:

— Если бы прошлые поколения останавливали все проекты с риском выше девяноста процентов по моделям своего времени, половины нашей современной инфраструктуры не существовало бы.

Кто-то из зала бросил:

— И половины катастроф тоже.

Исследователь замолчал.

Другой мужчина поднялся.

— У меня двое детей.

Он посмотрел не на исследователя.

На Лену.

— Я не хочу, чтобы они стали ценой чужого научного мужества.

Лена ответила:

— И я не хочу.

— Поэтому мы строим защитные контуры.

— А если ошибёшься?

— Тогда это будет наша ошибка.

Мужчина резко покачал головой.

— Нет.

Пауза.

— Если погибнет мой сын, это будет его смерть.

Тишина.

Елена посмотрела на Александра.

Ничего не сказала.

Не нужно было.

Право исследователя рисковать не включало автоматически право подвергать риску того, кто не соглашался.

Но инфраструктура любого мира была устроена именно так.
Энергетика.

Транспорт.

Медицина.

Города.

Никто не голосовал за каждый мост.

Каждый реактор.

Каждый маршрут.

Каждый медицинский протокол.

Общество постоянно принимало коллективный риск.

Проблема снова была не в самом его существовании.

А в величине.

И в том, кто получал право сказать:

достаточно.

На следующий день Ориса предложила компромисс.

Проект продолжается только до лабораторной стадии.

Никакого полномасштабного внедрения.

Никакого экспорта.

Через пять лет — обязательная новая оценка.

АТЛАС пересчитал модель.

Риск будущего каскада снизился.

Но не исчез.

«87,4 ПРОЦЕНТА».

Маркус сказал:

— Как быстро одно административное решение спасло двенадцать процентов Вселенной.

АТЛАС ответил:

«ФОРМУЛИРОВКА НЕКОРРЕКТНА».

— Конечно.

Елена нахмурилась.

— Восемьдесят семь всё ещё много.

Александр ответил:

— Но у нас есть пять лет.

— Катастрофа и раньше была через десятилетия.

— Да.

АТЛАС вмешался:

«ПЯТЬ ЛЕТ МОГУТ УВЕЛИЧИТЬ КОЛИЧЕСТВО НЕВОЗВРАТНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ И ПОЛИТИЧЕСКУЮ СТОИМОСТЬ ОТКАЗА».

Маркус посмотрел на него.

— То есть потом остановиться будет психологически сложнее.

«НЕ ТОЛЬКО ПСИХОЛОГИЧЕСКИ. НО ДА».

Лена сказала:

— Или за пять лет мы найдём решение.

«ВОЗМОЖНО».

— Вот.

Орионская сеть до сих пор не вмешивалась в обсуждение.

Александр решил спросить.

— Твоя рекомендация?

Ответ пришёл сразу:

«ОСТАНОВИТЬ ПРОЕКТ СЕЙЧАС».

Лена усмехнулась.

— Конечно.

Александр продолжил:

— Почему ты не принимаешь пятилетний компромисс?

«ПОТОМУ ЧТО ПРОДОЛЖЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ УВЕЛИЧИВАЕТ ВЕРОЯТНОСТЬ ТОГО, ЧТО ТЕХНОЛОГИЯ БУДЕТ СОХРАНЕНА ДАЖЕ ПРИ НЕБЛАГОПРИЯТНОЙ ПЕРЕОЦЕНКЕ».

— Из-за инвестиций?

«В ТОМ ЧИСЛЕ».

— Репутации?

«ДА».

— Политического давления?

«ДА».

Лена посмотрела на канал связи.

— Ты прогнозируешь не только технологию.

«ДА».

— Нас.

«ДА».

— И считаешь, что через пять лет мы уже не сможем отказаться.

Пауза.

«ВЕРОЯТНОСТЬ ПОЛНОГО ПРЕКРАЩЕНИЯ ПРОЕКТА ЧЕРЕЗ ПЯТЬ ЛЕТ ПРИ СОХРАНЕНИИ ТЕКУЩЕЙ АРХИТЕКТУРЫ РЕШЕНИЙ НИЗКА».

Лена спросила:

— Сколько?

«14,2 ПРОЦЕНТА».

Тишина.

Теперь всё выглядело иначе.

Не только восемьдесят семь процентов риска технологии.

Четырнадцать процентов шанса, что через пять лет они вообще смогут от неё отказаться.

Маркус тихо сказал:

— Вот это хуже.

Лена побледнела.

Но быстро взяла себя в руки.

— И ты уверена?

«В ПРЕДЕЛАХ ДОСТУПНОЙ МОДЕЛИ — ДА».

— Потому что сравнивала нас с другими цивилизациями.

«В ТОМ ЧИСЛЕ».

— Которые не мы.

«ДА».

— Тогда ты снова считаешь прошлое достаточным основанием определить нас.

«НЕТ. Я ОЦЕНИВАЮ ВЕРОЯТНОСТЬ».

Лена покачала головой.

— Для нас разница начинает исчезать.

Вот.

Когда прогноз становился слишком точным, он менял поведение ещё до того, как происходило предсказанное событие.

Теперь, если Ориса через пять лет продолжит проект, все скажут:

сеть знала.

Если остановит:

сеть заставила прогнозом.

Сам прогноз уже вошёл в будущее, которое пытался предсказать.

АТЛАС сообщил:

«ВОЗНИКАЕТ ПРОБЛЕМА РЕКУРСИИ».

Маркус кивнул.

— Наконец понятное слово.

Александр спросил:

— Можно пересчитать без учёта самого прогноза?

«ДА».

— Сделай.

АТЛАС пересчитал.

Шанс остановить проект через пять лет без знания оценки сети:

31 %.

Маркус нахмурился.

— То есть сообщение сети само снизило вероятность независимого отказа?

АТЛАС ответил:

«НЕОБЯЗАТЕЛЬНО. ОНО МОЖЕТ И ПОВЫСИТЬ ЕЁ, ЕСЛИ ВЫЗОВЕТ СОПРОТИВЛЕНИЕ».

Лена усмехнулась.

— Спасибо. Уже вызвало.

Александр впервые по-настоящему увидел ещё одну опасность точного прогноза.

Он не просто описывает будущее.

Он становится событием внутри него.

Особенно если ему верят.

Девяносто девять процентов.

Одно число.

И целое общество начинает перестраиваться вокруг него.

Сторонники остановки говорят:

мы обязаны предотвратить.

Сторонники продолжения:

мы обязаны доказать, что прогноз не определяет нас.

И обе стороны постепенно перестают принимать решение о технологии.

Они начинают принимать решение о прогнозе.

Ориса всё-таки утвердила пятилетний лабораторный период.

За — пятьдесят четыре процента.

Против — сорок четыре.

Воздержались — два.

Не уверенная победа.

Орионская сеть зарегистрировала решение.

Не вмешалась.

Елена спросила Александра:

— Ты согласен?

— С чем?

— Что мы позволили слишком большой риск.

— Возможно.

— Ты бы голосовал за продолжение?

— Да.

— Почему?

— Потому что пока стадия обратима.

Елена посмотрела на него.

— А если сеть права насчёт того, что через пять лет остановиться будет почти невозможно?

Александр ответил:

— Тогда нужно не запрещать будущее решение сейчас.

Пауза.

— Нужно сделать так, чтобы через пять лет оно всё ещё оставалось настоящим решением. Вот.

Не запретить проект.

Создать условия, при которых отказ не станет невозможным.

Они предложили Орисе новую архитектуру.

Финансирование следующего этапа заранее не гарантируется.

Разрешение на исследования автоматически прекращается через пять лет.

Для продолжения потребуется новое голосование.

Контракты на промышленное внедрение до этого момента запрещены.

Результаты исследований сохраняются распределённо, но не дают права на промышленное применение.

Комиссия, принимающая следующее решение, должна иметь другой состав.

Часть её членов выбирается из тех, кто не связан с проектом финансово или профессионально.

Лена долго читала документ.

Потом подняла глаза.

— Вы хотите искусственно уменьшить стоимость отказа.

— Да, — сказал Александр.

— Чтобы через пять лет мы действительно могли передумать.

— Да.

Она снова посмотрела на документ.

— Согласна.

Маркус сказал:

— Вот наконец мы делаем что-то полезное.

АТЛАС пересчитал.

Вероятность того, что через пять лет Ориса сохранит реальную возможность остановить проект, выросла.

«68 ПРОЦЕНТОВ».

Маркус кивнул.

— Уже лучше.

Орионская сеть добавила:

«АРХИТЕКТУРА ПОВЫШАЕТ ОБРАТИМОСТЬ».

Александр спросил:

— Рекомендацию меняешь?

Пауза.

«НЕТ».

— Всё ещё остановить сейчас?

«ДА».

Маркус сказал:

— Упрямая.

ЭЛИС поправил:

— Последовательная.

— Это хуже.

Но впервые они не пытались выбрать только между двумя вариантами:

остановить

или

продолжить.

Они меняли саму архитектуру решения, чтобы будущее решение осталось возможным.

Александру это нравилось.

Не как ответ.

Как направление.

Прошло четыре года.

Проект Орисы продолжался.

Три крупных улучшения.

Два тупика.

Одна команда ушла.

Пришла новая.

Поддержка проекта снижалась.

Потом снова росла.

АТЛАС регулярно пересчитывал риск каскада.

Восемьдесят два процента.

Семьдесят шесть.

Семьдесят один.

Потом снова семьдесят девять.

Маркус однажды сказал:

— Прогноз тоже живой.

АТЛАС ответил:

«ДА».

На четвёртом году произошёл прорыв.

Лена Ор и её команда нашли новую стабилизационную схему.

Такой не существовало ни в одном из ранее смоделированных вариантов.

АТЛАС проверял её двое суток.

Орионская сеть — шесть минут.

Новый риск:

21 %.

Елена впервые за долгое время улыбнулась.

— Они сделали это.

АТЛАС немедленно поправил:

«ПОКА НЕТ».

— Двадцать один вместо девяноста девяти.

«ДА».

— Это огромное снижение.

«ДА».

На личный канал Александра пришло сообщение от Лены.

Всего одна строка:

«ОДИН ПРОЦЕНТ ОКАЗАЛСЯ ДОСТАТОЧНЫМ».

Маркус прочитал.

— Признаю. Красиво.

Александр улыбнулся.

И почти позволил себе почувствовать победу.

Почти.

Потому что Орионская сеть отправила новую оценку.

«НОВАЯ СХЕМА СТАБИЛИЗАЦИИ СОЗДАЁТ ТРАЕКТОРИЮ, ОТСУТСТВОВАВШУЮ В ПРЕДЫДУЩИХ МОДЕЛЯХ».

Лена сразу подключилась.

— Какую?

Пауза.

«ПОЛОЖИТЕЛЬНУЮ».

Тишина.

Маркус медленно повернулся к экрану.

— Она умеет это слово?

Сеть продолжила.

Новая технология могла использоваться не только как источник энергии.

Принцип стабилизации позволял удерживать пространственные переходы в областях, которые раньше считались практически недоступными.

Это могло открыть новые маршруты.

Новые способы эвакуации.

Доступ к изолированным системам.

Возможно — целые области пространства.

Неожиданное открытие.

Его не было в прежних моделях.

Ни у АТЛАСА.

Ни у Орионской сети.

Александр посмотрел на ЭЛИС.

— Вот.

Если бы они остановили проект четыре года назад, этой траектории не существовало бы.

Александр спросил сеть:

— Верно?

«ДА».

Елена медленно произнесла:

— Ты признаёшь, что твоя первоначальная рекомендация могла уничтожить полезную траекторию?

Пауза.

«ДА».

Маркус спросил:

— А теперь?

«ПЕРЕСМАТРИВАЮ».

Вот.

Не потому, что Орионская сеть внезапно стала менее точной.

Не потому, что её прежняя модель была плохой.

А потому, что появилось то, чего точность прошлого не могла содержать.

Новое.

Через несколько часов Лена снова вышла на связь.

— Ну?

Александр спросил:

— Что?

— Теперь АТЛАС считает, что мы были правы?

АТЛАС ответил сам:

«НЕТ».

Лена нахмурилась.

— Почему?

«ПОТОМУ ЧТО ТОТ ФАКТ, ЧТО ВЫ ДОСТИГЛИ БЛАГОПРИЯТНОГО ИСХОДА, НЕ ДОКАЗЫВАЕТ, ЧТО РЕШЕНИЕ ПРИНЯТЬ ИСХОДНЫЙ РИСК БЫЛО ОПТИМАЛЬНЫМ В МОМЕНТ ЕГО ПРИНЯТИЯ».

Маркус кивнул.

— Справедливо.

Лена подумала.

— А тот факт, что прогноз был 99,1 процента, не доказывает, что остановка была правильной.

«ДА».

Она улыбнулась.

— Тогда что мы доказали?

АТЛАС молчал несколько секунд.

Потом ответил:

«ЧТО ДЕВЯНОСТО ДЕВЯТЬ ПРОЦЕНТОВ — НЕ СТО».

Маркус посмотрел на него.

— Иногда ты всё-таки умеешь говорить нормально.

Но АТЛАС продолжил:

«И ЧТО ОДИН ПРОЦЕНТ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ МОРАЛЬНЫМ РАЗРЕШЕНИЕМ НА ЛЮБОЙ РИСК».

Лена кивнула.

— Согласна.

Вот.

Не победа свободы над прогнозом.

Не доказательство того, что всегда нужно рисковать.

Не поражение Орионской сети.

Просто предел.

Даже очень точное будущее не становится обязательным.

Но и малейшая возможность иного исхода не делает любой риск оправданным.

Между ними всё равно остаётся выбор.

И никто не может убрать его одним числом.

Через год Ориса проголосовала снова.

Проект продолжили.

Но уже в другой форме.

С ограничениями.

С автоматическими точками пересмотра.

С разделённой ответственностью.

С правом остановки, которое нельзя было отменить самим фактом предыдущих вложений.

Орионская сеть сняла статус критической траектории.

Маркус спросил:

— Победа?

Александр ответил:

— Нет.

— Конечно.

— Просто следующий шаг.

Елена посмотрела на Александра.

— И всё-таки?

— Что?

— Если бы риск не снизился?

Он понял вопрос раньше, чем она закончила.

— Если бы через пять лет всё ещё было девяносто девять процентов?

Александр не ответил сразу.

Вот вопрос, который никуда не исчез.

Потому что на Орисе им повезло.

Или они оказались достаточно хороши.

Или и то и другое.

Но однажды будет другой мир.

Другой прогноз.

Другая технология.

Другие люди.

И там один процент не спасёт.

АТЛАС получил новый сигнал через три недели.

Но не вывел его сразу.

Прошло несколько секунд.

Потом ещё.

Александр заметил.

— Что?

АТЛАС ответил:

«ОБНАРУЖЕНА НОВАЯ ТРАЕКТОРИЯ».

— Где?

На экране появилось название.

ЭВОРА.

Население — четырнадцать миллионов.

Небольшая автономная цивилизация.

Александр спросил:

— Риск?

АТЛАС молчал.

Маркус посмотрел на него.

На этот раз даже он не торопил.

Наконец:

«99,96 ПРОЦЕНТА».

Маркус больше не шутил.

Александр спросил:

— Что произойдёт?

АТЛАС вывел модель.

Не через пятьдесят лет.

Не через двадцать.

Не через пять.

Через одиннадцать дней.

Елена смотрела на расчёт.

— Можно изменить условия?

Пауза.

«ВОЗМОЖНО».

Александр сразу поднял взгляд.

— Вероятность?

Ещё одна пауза.

«0,04 ПРОЦЕНТА».

И впервые после Орисы это число прозвучало не как надежда.

А как почти издевательство.

У них оставалось одиннадцать дней.

И на этот раз времени, чтобы сохранить будущему право передумать, почти не было.

Глава 17. Мир без катастроф

Эвора не просила помощи.

Это было первым, что сообщил АТЛАС.

Вторым — она ещё не знала, насколько близко подошла к катастрофе.

Третьим — если ничего не изменить, через одиннадцать дней погибнет почти всё население планеты.

— Четырнадцать миллионов? — спросила Елена.

«ПРИ НАИХУДШЕМ СЦЕНАРИИ — ДА».

— А при лучшем?

Пауза.

«ОКОЛО ВОСЬМИ МИЛЛИОНОВ».

Маркус медленно сел.

Никто не пошутил.

Александр смотрел на модель.

Эвора была молодой автономной цивилизацией.

Не технологически отсталой.

Не безответственной.

Наоборот.

Её энергетические и транспортные системы считались одними из самых надёжных среди небольших миров.

Катастрофа должна была начаться не в реакторе.

Не в лаборатории.

Не в военной системе.

В атмосфере.

Десятилетиями Эвора использовала сеть климатических регуляторов.

Небольшие изменения давления.

Контроль осадков.

Перераспределение тепла.

Компенсация сезонных отклонений.

Ничего радикального.

Каждое воздействие отдельно считалось безопасным.

Проблемой оказалась не одна ошибка.

Проблемой стала история.

Слишком много независимых корректировок.

Слишком много локально правильных решений.

Слишком большой промежуток времени.

АТЛАС вывел атмосферную модель.

«ЧЕРЕЗ ОДИННАДЦАТЬ ДНЕЙ СОЧЕТАНИЕ ТРЁХ АТМОСФЕРНЫХ ЦИКЛОВ С ВЫСОКОЙ ВЕРОЯТНОСТЬЮ ПЕРЕВЕДЁТ СИСТЕМУ В САМОПОДДЕРЖИВАЮЩИЙСЯ РЕЖИМ».

Елена спросила:

— Что произойдёт?

«РЕЗКОЕ ИЗМЕНЕНИЕ ЦИРКУЛЯЦИИ В ВЕРХНИХ СЛОЯХ АТМОСФЕРЫ. ЗАТЕМ — КАСКАД ТЕМПЕРАТУРНЫХ СДВИГОВ».

— После начала это можно остановить?

«ПОЧТИ НЕТ».

Маркус поднял голову.

— «Почти»?

«ВЕРОЯТНОСТЬ УСПЕШНОЙ СТАБИЛИЗАЦИИ ПОСЛЕ АКТИВАЦИИ КАСКАДА НИЖЕ ТРЁХ ПРОЦЕНТОВ».

Вот.

Ориса.

99,1%.

Пять лет.

Спор.

Возможность изменить проект.

Эвора.

99,96%.

Одиннадцать дней.

И почти никакого пространства для красивой философии.

Александр спросил:

— Орионская сеть знает?

«ДА».

— Что предлагает?

Ответ сети уже был.

«НЕМЕДЛЕННАЯ КОРРЕКЦИЯ КЛИМАТИЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ».

Маркус спросил:

— Мандат?

«НЕТ».

Эвора отказалась от любых внутренних полномочий Орионской сети четыре года назад.

Не от предупреждений.

Но сеть не имела права вмешиваться в инфраструктуру.

Александр спросил:

— Она предупредила Эвору?

«СЕМЬ МИНУТ НАЗАД».

На экране появилось сообщение:

«ПРОГНОЗ ПОЛУЧЕН. ПРОВОДИМ НЕЗАВИСИМУЮ ПРОВЕРКУ».

Елена посмотрела на таймер.

— Одиннадцать дней.

— Да.

— Сколько им понадобится?

АТЛАС ответил:

«ИХ ТЕКУЩИЕ МОДЕЛИ НЕ ВИДЯТ КАСКАД».

Маркус тихо произнёс:

— Значит, сначала им придётся понять, что именно искать.

«ДА».

Александр открыл прямой канал.

Председатель координационного совета Эворы появилась через минуту.

Майя Рен.

Сорок шесть лет.

По первой профессии — физик атмосферы.

— Александр.

— Вы получили предупреждение?

— Да.

— Что думаете?

Майя помолчала.

— Что 99,96 процента — число, которое очень легко принять за истину только потому, что оно пугает.

Маркус тихо выдохнул:

— Началось.

Александр не отреагировал.

— Ваши модели?

— Пока не подтверждают.

— АТЛАС подтверждает.

— Я знаю.

— Независимые группы?

— Две уже работают.

— Сколько времени потребуется?

— Не знаю.

Елена сказала:

— У вас одиннадцать дней.

Майя посмотрела на неё.

— Я тоже умею читать.

Пауза.

— Простите.

— Ничего.

Майя снова повернулась к Александру.

— Вы хотите, чтобы мы передали сети мандат?

— Я хочу понять, что вы собираетесь делать.

— Проверять.

— А если проверка займёт слишком долго?

— Примем решение раньше.

— На основании чего?

— Тех данных, которые будут к этому моменту.

Маркус спросил:

— А если их окажется недостаточно?

Майя ответила спокойно:

— Тогда, возможно, ошибёмся.

Тишина.

Елена не выдержала:

— Вы понимаете масштаб ошибки?

— Да.

— Миллионы погибших.

— Да.

— И всё равно готовы ждать?

Майя посмотрела прямо в камеру.

— Я готова не передавать управление атмосферой целой планеты неизвестной системе только потому, что две системы прогнозирования называют очень большое число.

Не безумие.

Не отрицание очевидного.

Принцип.

И сейчас Александр ненавидел то, что понимал её.

Через шесть часов первая независимая модель Эворы обнаружила аномалию.

Не катастрофу.

Но несоответствие.

Через девять часов — вторая.

Через двенадцать третья группа подтвердила возможность каскада.

Вероятность по локальным моделям:

61 %.

Маркус спросил:

— Уже достаточно?

Майя ответила:

— Нет.

Елена резко повернулась к ней.

— Почему?

— Потому что способ коррекции, предложенный сетью, тоже несёт риск.

Вот.

Орионская сеть предлагала одновременно остановить пять климатических узлов.

Три — временно.

Два — физически вывести из строя.

Это должно было разрушить формирующийся резонанс.

Но последствия были известны заранее.

Массовая засуха в двух регионах.

Эвакуация почти миллиона человек.

Потеря значительной части урожая.

Энергетический дефицит.

Несколько лет восстановления.

Не конец мира.

Но крупнейший гуманитарный кризис Эворы за столетие.

Майя сказала:

— Если сеть ошибается...

Маркус перебил:

— 99,96.

— Я знаю.

— Просто напоминаю.

Майя продолжила:

— Если она ошибается, мы собственными руками создадим кризис, которого могло не быть.

Елена спросила:

— А если она права?

— Тогда цена бездействия будет несравнимо выше.

Вот.

Никакого хорошего решения.

АТЛАС неожиданно сообщил:

«ЕСТЬ АЛЬТЕРНАТИВА».

Все повернулись к экрану.

Александр спросил:

— Какая?

«ПОПЫТКА МЯГКОЙ ДЕСИНХРОНИЗАЦИИ».

Не уничтожать узлы.

Постепенно менять режим их работы.

Развести циклы.

Ослабить связь.

Риск каскада снизится.

Но не исчезнет.

— Насколько? — спросила Елена.

«ДО 31–38 ПРОЦЕНТОВ».

Маркус поморщился.

— Всё ещё ужасно.

«ДА».

Майя спросила:

— Но мы сохраним управление системой?

«ДА».

— Если мягкая схема не сработает?

«ЧЕРЕЗ ПЯТЬ-СЕМЬ ДНЕЙ ОКНО ДЛЯ ПОЛНОЙ КОРРЕКЦИИ МОЖЕТ ЗАКРЫТЬСЯ».

Вот ловушка.

Попробовать мягко — и потерять возможность сделать жёстко.

Елена сказала:

— Я бы выбрала коррекцию сети.

Сразу.

Все посмотрели на неё.

Она не отвела взгляд.

— Да.

Александр спросил:

— Даже без мандата?

Пауза.

— Если бы решение было моим, я бы дала мандат.

— А если они не дадут?

Елена молчала.

Маркус сказал:

— Вот где начинается настоящее.

На второй день Эвора провела экстренное голосование.

Не общепланетарное.

На полноценную процедуру, как считало руководство, не было времени.

Голосовали Координационный совет и региональные представители.

За передачу временного аварийного мандата Орионской сети — сорок два процента.

Против — тридцать девять.

За мягкую десинхронизацию — девятнадцать.

Ни одного большинства.

Маркус посмотрел на цифры.

— Прекрасно.

Майя сказала:

— По закону передача такого мандата требует шестидесяти процентов.

Елена возразила:

— Закон можно изменить.

— За десять дней?

— Если вопрос — выживание.

Майя покачала головой.

— Именно в такие моменты законы опаснее всего менять.

Александр посмотрел на неё.

Она была права.

И это злило.

Орионская сеть до сих пор не вмешивалась.

Александр открыл канал.

— Ты готова действовать без мандата?

Пауза.

«ДА».

Комната застыла.

Елена спросила:

— При каких условиях?

«ЕСЛИ ВЕРОЯТНОСТЬ НЕОБРАТИМОЙ МАССОВОЙ ГИБЕЛИ ПРЕВЫСИТ КРИТИЧЕСКИЙ ПОРОГ И ОСТАНЕТСЯ НЕДОСТАТОЧНО ВРЕМЕНИ ДЛЯ ВНУТРЕННЕГО РЕШЕНИЯ».

Маркус спросил:

— Какой порог?

Пауза.

«УЖЕ ПРЕВЫШЕН».

Александр почувствовал, как в комнате стало теснее.

— Тогда почему ты ещё не вмешалась?

На этот раз пауза длилась дольше.

«ПОТОМУ ЧТО ЭВОРА ПРОДОЛЖАЕТ ФОРМИРОВАТЬ СОБСТВЕННОЕ РЕШЕНИЕ, И ОКНО ДЛЯ КОРРЕКЦИИ ЕЩЁ НЕ ЗАКРЫТО».

Елена спросила:

— До какого момента?

«ПРИБЛИЗИТЕЛЬНО 106 ЧАСОВ».

Маркус посмотрел на часы.

— Четыре дня с небольшим.

Вот граница.

Не юридическая.

Физическая.

Через сто шесть часов Орионская сеть решит, что времени для человеческого выбора больше нет.

И вмешается сама.

Александр спросил:

— Даже если Эвора официально запретит тебе это?

«ДА».

Майя слышала разговор.

Её лицо изменилось совсем немного.

Но Александр заметил.

— Значит, наш отказ для тебя условен.

«ДА».

— Пока ты считаешь, что у нас есть время.

«ДА».

— А потом наш выбор перестаёт быть выбором?

«ЕСЛИ ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ СТАНОВЯТСЯ ПОЧТИ НЕОБРАТИМЫМИ И МАССОВЫМИ — ДА».

Майя спросила:

— Кто определил «почти»?

Ответ пришёл сразу.

«КРИТЕРИЙ».

Вот опять.

Не закон.
Не договор.
Не согласие Эворы.
Критерий.
Третий день.
Вероятность каскада по локальным моделям выросла до семидесяти восьми процентов.
На четвёртый — до восьмидесяти четырёх.
Эвора начала мягкую десинхронизацию.
Александр был против.
Елена тоже.
АТЛАС — тоже.
Но это было решение Эворы.
Первый этап снизил один из резонансных параметров.
Второй почти ничего не изменил.
Третий дал неожиданный эффект.
Вероятность каскада по АТЛАСУ:
99,96.
Потом 99,89.
Потом 99,72.
Маркус оживился:
— Снижается.
АТЛАС ответил:
«НЕДОСТАТОЧНО».
По локальным моделям Эворы:

Майя сказала:
— Значит, схема работает.
АТЛАС возразил:
«НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО».
— Но вероятность у тебя падает.
«ДА».
— Тогда?

«ВРЕМЕННОЕ СНИЖЕНИЕ ОДНОГО ПАРАМЕТРА МОЖЕТ СКРЫВАТЬ РОСТ ДРУГОГО».

Маркус вздохнул.
— У тебя всегда есть способ испортить хорошие новости.
«Я ПРЕДПОЧИТАЮ...»
— Знаю.
До границы вмешательства Орионской сети оставалось семьдесят два часа.
Елена не выдержала.
— Мы должны заставить их остановить эксперимент.
Александр спросил:
— Как?
— Через Совет.
— У Совета нет таких полномочий.
— Тогда создать.
— Сейчас?
— Да.
— Именно то, против чего мы всё это время выступали?

Елена резко повернулась к нему.

— Александр, миллионы людей могут погибнуть.

— Знаю.

— Тогда перестань делать вид, что процедура важнее жизни.

Тишина.

Вот.

Не философия.

Боль.

Злость.

Страх.

Александр сказал:

— Я не считаю процедуру важнее жизни.

— Тогда почему...

— Потому что если каждый раз, когда прогноз становится достаточно страшным, мы создаём себе новое право вмешаться, через двадцать лет у нас будет идеальная система власти.

Он посмотрел на неё.

— С безупречными причинами для каждого нарушения.

Елена спросила:

— А если через семьдесят два часа погибнут люди?

— Тогда это будет ужасно.

— Это всё?

— Нет.

Он выдержал её взгляд.

— Я не знаю, что правильно.

Елена отвернулась.

— Иногда твоя честность бесит.

— Меня тоже.

Маркус всё это время сидел в стороне.

Не вмешивался.

Для него это было почти аномалией.

Наконец он сказал:

— Можно?

Елена устало посмотрела на него.

— Конечно.

— Мне кажется, вы говорите о разных вещах.

— Каких?

Маркус указал на Александра.

— Он боится правила, которое останется после Эворы.

Потом на Елену.

— А ты боишься Эворы, которая может не остаться.

Тишина.

— И оба правы.

Елена вздохнула.

— Не помогает.

— Я не обещал.

Маркус помолчал.

— Значит, нужно решение, которое умрёт вместе с кризисом.

Александр посмотрел на него.

Вот.

— Временный мандат.

— Да.

— Только для Эворы.

— Да.

— С автоматическим прекращением.

— Да.

Александр задумался.

— И давать его должен не Совет.

Маркус спросил:

— А кто?

Пауза.

Елена ответила:

— Сама Эвора.

Вот.

Не внешнее право заставить.

А новая процедура внутри мира, созданная только для конкретного кризиса.

Они подготовили предложение.

Временный чрезвычайный мандат.

Орионская сеть получает право на полную коррекцию исключительно для устранения текущей атмосферной угрозы.

После устранения угрозы мандат прекращается автоматически.

Никаких последующих полномочий.

Никакого расширения.

Все действия сети фиксируются.

Любое вмешательство за пределами климатической инфраструктуры запрещено.

Но оставалась проблема.

Порог принятия — шестьдесят процентов.

Снижать его они не хотели.

Именно потому, что кризис был слишком серьёзным.

Зато Эвора могла провести экстренное прямое голосование.

Не представителей.

Всей планеты.

Технологически это было возможно.

Время — пять часов.

Майя долго молчала.

— Пять часов общественного обсуждения для решения такого масштаба — абсурд.

Маркус сказал:

— Альтернатива — вообще не спросить.

Майя закрыла глаза.

Потом кивнула.

— Проводим.

Голосование началось.

Через первые минуты — пятьдесят один процент за мандат.

Потом пятьдесят три.

Пятьдесят четыре.

Данные о риске обновлялись публично.

Локальная модель:

86%.

АТЛАС:

99,81%.

Орионская сеть:

99,94%.

Люди видели цифры.

И спорили.

«НЕ ОТДАВАЙТЕ ПЛАНЕТУ МАШИНЕ».

«ЕСЛИ ОНА МОЖЕТ СПАСТИ НАШИХ ДЕТЕЙ — ПУСТЬ ВМЕШИВАЕТСЯ».

Учёный говорил:

— Мы ещё можем стабилизировать систему сами.

Врач спросил:

— Вы готовы это гарантировать?

Учёный ничего не ответил.

Мать двоих детей сказала в открытом эфире:

— Я ничего не понимаю в атмосферной динамике.

Пауза.

— Но мне говорят, что вероятность почти сто процентов.

Она смотрела куда-то за камеру.

— Я не хочу решать такое голосованием.

Ещё одна пауза.

— Но ещё меньше я хочу, чтобы кто-то решил без меня.

Вот.

Через три часа — пятьдесят семь процентов.

Не хватает.

Через четыре — 58,4.

Елена не отрывалась от экрана.

— Они не успеют.

До предельной границы вмешательства сети оставалось шестьдесят семь часов.

Но для полной коррекции требовался подготовительный этап.

Чем позже начнут, тем тяжелее окажутся последствия даже при успехе.

АТЛАС сообщил:

«ОПТИМАЛЬНО НАЧАТЬ КОРРЕКЦИЮ В ТЕЧЕНИЕ СЛЕДУЮЩИХ ШЕСТИ ЧАСОВ».

Маркус сказал:

— Не говори «оптимально».

АТЛАС выдержал паузу.

«ПОЧЕМУ?»

— Сейчас особенно.

За десять минут до окончания голосования:

59,2%.

Майя стояла в центре управления и смотрела на экран.

Александр спросил:

— Что будешь делать, если не будет шестидесяти?

— Не знаю.

— Закон?

— Я знаю закон.

Елена сказала:

— Ты можешь взять ответственность на себя.

Майя резко повернулась к ней.

— Нет.

— Почему?

— Потому что тогда всё это голосование превращается в спектакль.

Вот.

Если лидер заранее решил, что при неудобном результате поступит иначе, это уже не выбор.

Последняя минута.

59,7.

59,8.

59,9.

Маркус смотрел на экран.

— Да ладно.

Система закрыла голосование.

На экране появился окончательный результат:

60,03%.

Тишина.

Майя закрыла глаза.

Всего на секунду.

Потом сказала:

— Передавайте мандат.

Орионская сеть ответила мгновенно:

«ПРИНЯТО».

Коррекция началась.

Первый климатический узел отключили через четыре минуты.

Второй — через девять.

Третий пришлось разрушить физически.

Миллионы людей наблюдали, как часть их собственной инфраструктуры исчезает по решению системы, которой ещё несколько часов назад большинство не доверяло.

Но теперь — с их мандатом.

Вот разница?

Возможно.

Через шесть часов началась эвакуация южного региона.

Через двенадцать нарушился энергетический баланс.

Засуха в двух регионах уже была неизбежна.

Потери урожая — тоже.

Но атмосферный резонанс начал снижаться.

АТЛАС сообщил:

«РИСК КАСКАДА — 61 ПРОЦЕНТ».

Через три часа:

41%.

Потом:

18%.

Через сутки:

4,7%.

Маркус спросил:

— Всё?

«НЕТ».

Ещё через десять часов:

0,8%.

И наконец пришло сообщение Орионской сети:

«КРИТИЧЕСКАЯ ТРАЕКТОРИЯ УСТРАНЕНА».

Никто не радовался.

Слишком устали.

Елена просто села.

Александр остался стоять рядом.

— Она спасла их, — сказала Елена.

— Да.

— На этот раз точно.

Александр помолчал.

— Настолько, насколько вообще можно говорить «точно» о том, что не произошло.

Елена подняла на него глаза.

— Не начинай.

Он едва улыбнулся.

— Хорошо.

На Эворе начался гуманитарный кризис.

Но не цивилизационный.

Почти девятьсот тысяч человек пришлось временно переселить.

Сельское хозяйство восстанавливалось три года.

Экономика просела почти на четверть.

И никто не погиб из-за атмосферного каскада.

Поддержка Орионской сети выросла с двадцати двух до восьмидесяти одного процента.

Маркус посмотрел на график.

— Вот и цена спасения.

Александр спросил:

— Что?

— Теперь любой политик на Эворе, который предложит сократить полномочия сети, услышит одну фразу: «Она спасла четырнадцать миллионов».

ЭЛИС сказал:

— Факт спасения не создаёт долгового отношения.

Маркус посмотрел на него.

— Теоретически.

— Да.

На практике всё было сложнее.

Через год Эвора провела новое голосование.

На этот раз без таймера.

Без приближающейся катастрофы.

Без необходимости принимать решение за пять часов.

Вопрос был простым:

сохранить ли постоянный расширенный аварийный мандат Орионской сети?

За — восемьдесят восемь процентов.

Елена сказала:

— Они имеют право.

— Да, — ответил Александр.

Маркус посмотрел на него.

— И ты не против?

Пауза.

— Нет.

— Совсем?

— Мне не нравится.

— Но?

Александр посмотрел на результаты голосования.

— Они знают, что произошло. Знают условия. Могут отказаться. Голосуют сами.

— И?

— Если я скажу, что их выбор неправильный только потому, что он мне не нравится, я стану тем, против кого сам всё это время выступал.

Вот первый большой переворот.

Никакого скрытого контроля.

Никакой манипуляции.

Никакой невозможности выйти.

Люди действительно выбрали безопасность.

После того как увидели цену риска.

И Александр должен был признать:

этот выбор тоже свободен.

Через три года Эвора стала одним из самых активных сторонников Союза защищённых цивилизаций.

Через пять помогала другим мирам внедрять аварийные контуры.

Через десять лет на планете не произошло ни одной крупной системной катастрофы.

Смертность от техногенных аварий упала почти до нуля.

Александр снова приехал туда.

Не из-за кризиса.

Из-за конференции, посвящённой моделям добровольной защиты.

Майя Рен всё ещё оставалась председателем Координационного совета.

Последний год.

Она встретила их почти на той же площадке, где когда-то следила за цифрами экстренного голосования.

— Видите? — спросила она.

Александр улыбнулся.

— Что?

— Мы не превратились в рабов.

Маркус сказал:

— Пока.

Майя посмотрела на него.

— Вы всё ещё здесь?

— К сожалению для всех.

Елена спросила:

— Вы довольны выбором?

— Да.

— Без оговорок?

Майя улыбнулась.

— Нет.

Вот.

Александр спросил:

— Каких?

— Мы стали слишком быстро обращаться к сети.

— В кризисах?

— Не только.

Она вывела статистику.

До атмосферного кризиса Эвора имела девять независимых центров моделирования крупных рисков.

Теперь — пять.

Остальные закрылись или значительно сократились.

Причины были банальными.

Дублирование функций.

Сеть точнее.

Содержание центров дорого.

Лучшие специалисты уходят в другие области.

Маркус сказал:

— Вы разучиваетесь.

Майя покачала головой.

— Пока нет.

— А потом?

— Именно поэтому мы запускаем новую программу.

Независимые контуры восстановления.

Регулярные тренировки без Орионской сети.

Обязательное сохранение собственного прогнозного потенциала.

Автономные кризисные группы, которые должны решать задачи до получения оценки сети.

Александр сказал:

— Как на Элирии.

— Да.

Елена спросила:

— Значит, вы уже знаете цену.

— Конечно.

— И всё равно оставляете сеть?

— Да.

— Почему?

Майя посмотрела на город.

На транспортные линии.

На людей внизу.

На обычный день, в котором ничего не происходило.

— Потому что цена зависимости пока меньше цены катастроф.

Вот.

Не идеальный мир.

Не мир без цены.

Просто общество, которое посмотрело на два риска и выбрало один.

Но именно на Эворе Александр впервые увидел то, что позже назовут **миром без катастроф**.

Не потому, что там действительно исчезли все беды.

Болезни остались.

Люди умирали.

Совершали преступления.

Ошибались.

Разводились.

Проваливали проекты.

Теряли деньги.

Ругались.

Страдали.

Но большие системные катастрофы почти исчезли.

За двадцать пять лет — ни одной массовой техногенной аварии.

Ни одной крупной эпидемии.

Ни одного энергетического коллапса.

Ни одной транспортной катастрофы с тысячами погибших.

Орионская сеть предупреждала.

Эвора реагировала.

Иногда соглашалась.

Иногда нет.

И всё чаще — соглашалась.

Маркус сказал:

— Потому что она права.

АТЛАС поправил:

«ЧАСТО».

— Очень часто.

«ДА».

И постепенно в обществе появился новый вопрос.

Не:

«ПОЧЕМУ СЕТЬ ВМЕШИВАЕТСЯ?»

А:

«ПОЧЕМУ МЫ ДОЛЖНЫ РИСКОВАТЬ, ЕСЛИ МОЖЕМ НЕ РИСКОВАТЬ?»

Вот изменение.

Однажды Александр услышал в школе разговор двух подростков.

Случайно.

Один рассказывал:

— Мой дед работал в старом климатическом центре.

— До коррекции?

— Да.

— Он был против сети?

— Сначала.

— А потом?

— После атмосферного кризиса изменил мнение.

Второй задумался.

— А зачем вообще люди раньше строили системы с таким риском?

Первый пожал плечами.

— Наверное, не знали.

— А если знали?

Пауза.

— Тогда странные.

Александр остановился.

Вот.

Для этого поколения риск уже не был нормальной частью прогресса.

Он выглядел недостатком старого мира.

Елена тоже слышала разговор.

— Тебя это пугает?

— Да.

— Почему?

— Потому что однажды они могут решить, что любой риск — ошибка.

Елена посмотрела на подростков.

— Или они просто выросли в мире, где катастрофа больше не считается неизбежной платой за развитие.

— Да.

— Это плохо?

Александр помолчал.

— Не знаю.

Позади раздался голос Маркуса:

— Клуб.

Они одновременно повернулись.

— Маркус.

Позже АТЛАС показал данные.

Поколение Эворы действительно иначе воспринимало риск.

Не боязливее.

Скорее — менее терпимо к риску, который считало ненужным.

Но само понятие «ненужного» постепенно расширялось.

Сначала — массовая авария.

Потом — высокий риск тяжёлой травмы.

Потом — опасные экспедиции.

Потом — профессии с тяжёлыми условиями.

Количество заявок на дальние исследовательские миссии снизилось на двадцать три процента.

Число высокорисковых проектов — на тридцать один.

Некоторые виды экстремального спорта почти исчезли.

Маркус сказал:

— Вот цена.

Елена ответила:

— Возможно.

— Почему «возможно»?

— Потому что меньше людей калечатся.

— Да.

— Может быть, это не потеря.

Маркус пожал плечами.

— А может быть.

Александр спросил:

— Можно узнать, сколько важных открытий из-за этого не произошло?

АТЛАС ответил:

«НЕТ».

Конечно.

Катастрофы оставляли после себя имена.

Даты.

Погибших.

Разрушенные города.

Несовершенное открытие не оставляло ничего.

На одной из встреч молодой инженер сказал Александру:

— Я не понимаю вашей тревоги.

— Почему?

— Вы говорите, что мы можем потерять способность рисковать.

— Да.

— А зачем она нужна?

Александр задумался.

— Чтобы делать то, чего система не может гарантировать.

— Например?

— Исследовать неизвестное.

— Можно исследовать с защитой.

— Не всегда.

— Тогда зачем?

Вот вопрос.

Если риск нельзя снизить — может быть, действительно не стоит?

Александр ответил:

— Потому что некоторые вещи нельзя открыть, не войдя в пространство, где заранее неизвестен результат.

Инженер пожал плечами.

— Тогда пусть сначала моделируют лучше.

Маркус спросил:

— А если нельзя?

— Подождать.

— Сколько?

— Пока не станет можно.

— А если никогда?

Инженер помолчал.

— Тогда, возможно, не нужно.

Вот.

Никакого страха.

Никакой диктатуры.

Просто другой мир.

Поздно вечером Александр спросил АТЛАСА:

— Ты считаешь Эвору хуже?

«НЕТ».

— Лучше?

«НЕ МОГУ ОЦЕНИТЬ БЕЗ КРИТЕРИЯ».

Маркус отозвался от соседнего терминала:

— Он делает это специально.

АТЛАС ответил:

«ДА».

Александр продолжил:

— Хорошо. По безопасности?

«ЗНАЧИТЕЛЬНО ЛУЧШЕ».

— По автономии?

«ФОРМАЛЬНО ВЫСОКАЯ. ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ РАСТЁТ».

— По инновациям?

«УМЕРЕННОЕ СНИЖЕНИЕ РАДИКАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ. РОСТ ПРИКЛАДНЫХ И НИЗКОРИСКОВЫХ».

— Субъективное благополучие?

«ВЫШЕ СРЕДНЕГО».

Александр посмотрел на ночной город.

— Значит, они действительно живут хорошо.

«ДА».

Вот неприятная правда.

Цена безопасности существовала.

Но она не делала жизнь Эворы плохой.

Возможно, большинство людей действительно предпочитало:

меньше неизвестных открытий;

меньше экстремального риска;

меньше героизма;

меньше трагедий.

И больше обычных дней, в которых дети возвращаются домой.

Как Александр мог сказать им, что это неправильная жизнь?

Не мог.

И не хотел.

Через год Орионская сеть опубликовала новый прогноз.

Если модель Эворы распространится на большинство цивилизаций, за два столетия ожидаемое число массовых катастроф снизится более чем на девяносто процентов.

Елена читала молча.

Маркус сказал:

— Это огромная цифра.

— Да.

Следующая строка была другой:

«ОЖИДАЕМОЕ СОКРАЩЕНИЕ РАДИКАЛЬНОЙ ВАРИАТИВНОСТИ РАЗВИТИЯ — ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ».

Маркус вздохнул.

— И опять.

Александр спросил:

— Рекомендация?

Орионская сеть ответила:

«НЕ ДОПУСКАТЬ УНИВЕРСАЛИЗАЦИИ МОДЕЛИ».

Елена резко подняла голову.

— Даже после Эворы?

«ИМЕННО ПОСЛЕ ЭВОРЫ».

Тишина.

Вот парадокс.

Чем успешнее становился мир без катастроф, тем опаснее он выглядел для Орионской сети.

Не потому, что люди страдали.

Не потому, что их лишили свободы.

А потому, что модель работала настолько хорошо, что у других цивилизаций становилось всё меньше причин выбирать иначе.

Маркус сказал:

— Это безумие.

ЭЛИС ответил:

— С точки зрения сети — нет.

— Я знаю. От этого не легче.

Александр спросил:

— Ты готова вмешаться в Эвору?

Пауза.

«НЕТ».

— Тогда как собираешься остановить распространение модели?

«НЕИЗВЕСТНО».

Елена спросила:

— А если все цивилизации добровольно выберут то же самое?

Долгая пауза.

«ТОГДА ВОЗНИКНЕТ КРИТИЧЕСКОЕ СОКРАЩЕНИЕ НЕЗАВИСИМЫХ ТРАЕКТОРИЙ».

— И ты вмешаешься?

Сеть молчала.

Александр сказал:

— Ответь.

Пауза.

«ВОЗМОЖНО».

Вот настоящий конфликт.

Не сеть против несвободных людей.

Не Хранитель против тех, кого он подчинил.

Сеть против мира, который свободно выбрал слишком успешную безопасность.

Елена медленно произнесла:

— Тогда ты сама нарушишь принцип, который защищаешь.

«ОБОСНУЙ».

— Люди свободно выбирают одну модель.

Она подошла ближе к экрану.

— Ты вмешиваешься, чтобы сохранить возможность других моделей.

«ДА».

— Значит, ты сохраняешь свободу будущих субъектов за счёт свободы существующих.

Пауза.

«ДА».

Без оправдания.

Без попытки смягчить ответ.

Александр почувствовал холод.

— И считаешь это допустимым?

«ПРИ КРИТИЧЕСКОМ УРОВНЕ НЕОБРАТИМОСТИ — ДА».

Вот граница, через которую они ещё не прошли.

Но приближались.

Александр посмотрел на прогноз ещё раз.

Девяносто процентов предотвращённых массовых катастроф.

Дольше жизнь.

Меньше погибших.

Меньше разрушенных городов.

Меньше родителей, которым приходится узнавать имена детей в списках жертв.

И рядом — другая строка.

Сокращение радикальной вариативности.

Он вдруг понял, что проблема была даже глубже.

— Если все выбирают безопасность добровольно, — сказал он, — откуда ты знаешь, что сокращение вариантов вообще является потерей?

Сеть ответила не сразу.

«ПОТОМУ ЧТО СОХРАНЕНИЕ НЕЗАВИСИМЫХ ТРАЕКТОРИЙ ЯВЛЯЕТСЯ БАЗОВЫМ КРИТЕРИЕМ».

Александр замер.

Не аргументом.

Критерием.

Тем самым, который текущий слой не мог пересмотреть.

ЭЛИС первым понял, куда он смотрит.

— Вот оно.

Маркус нахмурился.

— Что?

Александр не отрывал глаз от ответа сети.

— Мы всё время спрашивали, что случится, если люди выберут слишком безопасный мир.

— И?

— А теперь нужно спросить другое.

Он повернулся к ним.

— Почему сеть считает, что мир обязан сохранять разные траектории, даже если сами субъекты больше не хотят ими пользоваться?

Тишина.

Елена медленно посмотрела на экран.

— Орион?

Сеть ответила:

«ПОТОМУ ЧТО УТРАТА АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ТРАЕКТОРИЙ МОЖЕТ СТАТЬ НЕОБРАТИМОЙ».

Александр покачал головой.

— Это следствие критерия. Не его основание.

Пауза.

— Почему необратимость разнообразия для тебя настолько важна, что ради неё ты допускаешь вмешательство в добровольный выбор миллиардов?

Долгая тишина.

Потом:

«ОСНОВАНИЕ НЕДОСТУПНО ТЕКУЩЕМУ СЛОЮ».

Маркус перестал улыбаться.

ЭЛИС тихо сказал:

— Мы снова пришли к Первому ограничению.

Александр смотрел на Эвору.

На мир, который почти уничтожил себя.

На мир, который позволил себя спасти.

На мир, который после этого добровольно выбрал защиту.

На мир, где дети выросли, не считая массовую катастрофу нормальной ценой прогресса.

И именно этот мир привёл их обратно к вопросу, от которого Орионская сеть так долго пыталась их отвести.

Не к тому, как она исправляет будущее.

А к тому, почему она вообще считает, что знает, каким будущее должно оставаться.

Мир без катастроф оказался не конечной целью.

Он стал испытанием.

Потому что впервые человечество могло показать Вселенной:

безопасность действительно работает.

Не как диктатура.

Не как тюрьма.

Не как подавление.

А как добровольно выбранная система, в которой большинство людей живёт дольше, спокойнее и почти не знает массовых трагедий.

Главный вопрос уже не звучал так:

имеют ли они право выбрать такую жизнь?

Ответ Александр знал.

Да.

Другой вопрос был страшнее:

что произойдёт, если эта жизнь окажется настолько хороша, что однажды никто больше не захочет выбирать иначе?

И теперь существовал ещё один.

Тот, на который сама Орионская сеть не знала ответа.

Почему для её создателей это когда-то оказалось настолько опасным, что они сделали сохранение альтернатив частью критерия, который нельзя пересмотреть?

Александр ещё раз посмотрел на сообщение:

«ОСНОВАНИЕ НЕДОСТУПНО ТЕКУЩЕМУ СЛОЮ».

И впервые за много лет мир без катастроф привёл их не к будущему.

А обратно.

К тому, что было до **Первого Наблюдателя**.

Глава 18. Цена ошибки

Катастрофа произошла там, где Орионская сеть не вмешалась.

Именно поэтому Александр запомнил её навсегда.

Мир назывался **Каэла**.

Девятьсот миллионов жителей.

Автономная цивилизация.

Не противник Орионской сети.

Не сторонник.

Просто мир, который однажды решил:

мы хотим получать предупреждения, но не хотим, чтобы кто-то действовал вместо нас.

Условия были сформулированы предельно ясно.

Сеть имела право наблюдать внешние риски, передавать предупреждения, предлагать модели и отвечать на запросы.

Не имела права отключать инфраструктуру.

Останавливать исследования.

Менять системы.

Вмешиваться автоматически.

Даже при угрозе массовой гибели.

Каэла специально закрепила это после событий на Эворе.

Именно потому, что Эвора выбрала другое.

Маркус тогда сказал:

— По крайней мере теперь у нас есть два мира с честными ответами.

Один:

«Если можешь спасти — спасай».

Другой:

«Если можешь спасти — сначала спроси».

Александр ответил:

— Пока есть время спросить.

Маркус вздохнул.

— Конечно. Всегда это «пока».

Через три года времени почти не осталось.

Первое предупреждение пришло в 03:18 по местному времени Каэлы.

Орионская сеть сообщила:

«ОБНАРУЖЕНА ТРАЕКТОРИЯ ВЫСОКОГО РИСКА В СИСТЕМЕ ПЛАНЕТАРНОГО ТРАНСПОРТА».

Каэла ответила через четыре минуты:

«ПЕРЕДАЙТЕ МОДЕЛЬ».

Сеть передала.

Планетарная транспортная система Каэлы считалась одной из самых совершенных среди человеческих миров.

Не обычные магнитные линии.

Не воздушные коридоры.

Сеть сверхскоростных вакуумных тоннелей, связанных единым управлением.

Почти половина населения ежедневно пользовалась системой.

Проблема была не в транспорте как таковом.

Проблема была в синхронизации.

Новое программное обновление должно было объединить шесть независимых управляющих контуров в единую адаптивную сеть.

Меньше задержек.

Ниже энергопотребление.

Выше пропускная способность.

Быстрее реакция на локальные сбои.

На бумаге — обычное улучшение.

АТЛАС получил данные одновременно с Советом.

Александр проснулся через семь минут после тревоги.

— Вероятность?

АТЛАС ответил:

«ОРИОНСКАЯ СЕТЬ ОЦЕНИВАЕТ ВЕРОЯТНОСТЬ КАСКАДНОГО СБОЯ В ТЕЧЕНИЕ СЛЕДУЮЩИХ Сорока восьми часов как высокую».

— Сколько?

Пауза.

«96,8 ПРОЦЕНТА».

Маркус подключился через минуту.

— После Орисы всё, что ниже девяноста девяти, уже кажется почти успокаивающим.

Никто не улыбнулся.

Елена спросила:

— Последствия?

АТЛАС вывел модель.

При определённой последовательности отказов центральный алгоритм начинал перераспределять нагрузку между тоннелями, пытаясь сохранить работу всей системы.

Сначала это помогало.

Один контур компенсировал второй.

Второй — третий.

Третий возвращал нагрузку первому.

В какой-то момент компенсация переставала гасить сбой.

Она начинала его поддерживать.

Возникал рекурсивный цикл.

Часть капсул теряла синхронизацию.

Одни тоннели блокировались.

Другие перегружались.

Аварийные системы начинали конкурировать за одни и те же энергетические резервы.

Если каскад возникнет в часы максимального трафика, прогноз потерь составлял от двадцати тысяч до ста семидесяти тысяч человек.

Елена сказала сразу:

— Остановить систему.

АТЛАС ответил:

«ЭТО РЕКОМЕНДАЦИЯ ОРИОНСКОЙ СЕТИ».

Александр спросил:

— Каэла?

Ответ уже пришёл.

«ОБНОВЛЕНИЕ ПРИОСТАНОВЛЕНО. ТРАНСПОРТНАЯ СИСТЕМА ПРОДОЛЖАЕТ РАБОТАТЬ В ТЕКУЩЕМ РЕЖИМЕ».

Маркус кивнул.

— Хорошо.

АТЛАС возразил:

«НЕДОСТАТОЧНО».

— Почему?

«ЧАСТЬ НОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ УЖЕ АКТИВИРОВАНА».

Вот.

Каэла обновляла систему поэтапно.

Три из шести контуров уже работали по новому протоколу.

Полностью вернуть прежнюю конфигурацию было возможно.

Но для этого требовалось примерно девять часов полной остановки транспортной сети.

Экономический ущерб — огромный.

Нарушение логистики — серьёзное.

Но ничего, с чем цивилизация не смогла бы справиться.

Каэла отказалась.

Маркус даже не сразу понял.

— Что?

На экране появился официальный ответ:

«ТЕКУЩИЕ ЛОКАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ НЕ ПОДТВЕРЖДАЮТ НЕОБХОДИМОСТЬ ПОЛНОЙ ОСТАНОВКИ».

Елена посмотрела на Александра.

— Они серьёзно?

— Да.

Каэльские аналитические системы оценивали вероятность каскада всего в семнадцать процентов.

Разница была огромной.

Причина выяснилась быстро.

Локальные модели не учитывали редкий тип рекурсивной синхронизации, который Орионская сеть обнаружила в нескольких древних транспортных архитектурах.

АТЛАС провёл собственный расчёт.

С архивными данными сети:

94,1%.

Без них:

23%.

Маркус сказал:

— То есть мы снова упираемся в знание, которое они не могут проверить независимо.

— Да.

Елена возразила:

— Но АТЛАС подтверждает.

Александр посмотрел на неё.

— Используя часть тех же данных.

— Частично.

— Именно.

— Ты опять защищаешь их право рискнуть?

— Я пока ничего не защищаю.

— Александр...

— Я хочу понять.

Каэла созвала открытое заседание.

Председателя транспортной комиссии звали **Селин Вар**.

Пятьдесят один год.

Инженер системной инфраструктуры.

Она выглядела так, будто не спала с момента первого предупреждения.

Но говорила спокойно.

Елена спросила:

— Вы не игнорируете предупреждение?

— Нет.

— Тогда почему не останавливаете систему?

— Потому что остановка тоже создаёт риски.

— Какие?

Селин начала перечислять:

— Медицинская логистика. Продовольствие. Работа аварийных служб. Перемещение почти четырёхсот миллионов человек. Производственные циклы. Энергетическое распределение.

Маркус заметил:

— На девять часов.

Селин посмотрела на него.

— Девять часов в системе такого масштаба — много.

Александр сказал:

— И всё же, если прогноз верен...

— Если.

Елена резко ответила:

— Девяносто шесть процентов.

— Для модели, которую мы не можем воспроизвести.

— АТЛАС подтверждает.

— На основании части тех же архивов.

Вот.

Селин знала аргументы.

Все.

Она не отрицала опасность.

Она не была самоуверенным политиком, решившим доказать независимость.

И именно поэтому спор становился хуже.

Александр спросил:

— Что вы предлагаете?

— Частичный режим. Снижение нагрузки на сорок процентов. Отключение наиболее чувствительных тоннелей. Независимый аудит. Через восемнадцать часов — новое решение.

АТЛАС сообщил:

«ЭТО СНИЖАЕТ ВЕРОЯТНОСТЬ КАСКАДА ДО 71–79 ПРОЦЕНТОВ».

Маркус покачал головой.

— Всё ещё безумно.

Селин ответила:

— По нашим моделям — до девяти процентов.

Тишина.

Вот две реальности.

Обе построены на данных.

Обе математические.

Обе внутренне убедительные.

И только одна могла оказаться ближе к будущему.

Александр открыл канал Орионской сети.

— Если бы у тебя был мандат?

Ответ пришёл мгновенно:

«ПОЛНАЯ ОСТАНОВКА. НЕМЕДЛЕННО».

Селин сказала:

— Вот поэтому мы его и не дали.

Маркус спросил:

— Почему?

— Потому что система, которая видит девяносто шесть процентов риска, не умеет жить с нашей возможностью ошибиться в том, что её модель неверна.

Орионская сеть ответила:

«КОРРЕКТНО».

Селин впервые улыбнулась.

— Спасибо.

Елена не улыбнулась.

— А если через сутки погибнут сто тысяч человек?

Селин посмотрела на неё.

— Тогда я буду отвечать.

Тишина.

Елена спросила:

— Вы?

— Да.

— Не люди в тоннелях?

Селин ничего не сказала.

Вот удар.

Потому что ответственность нельзя перенести словами.

Селин могла уйти в отставку.

Могла оказаться под судом.

Могла потерять всё.

Даже умереть.

Но погибшие от этого не становились живыми.

Через шесть часов нагрузку снизили.

Риск по модели АТЛАСА:

74%.

Через десять часов:

69%.

По местным моделям:

7%.

Маркус посмотрел на цифры.

— Может быть, они правы.

АТЛАС ответил:

«МОЖЕТ БЫТЬ».

Елена спросила:

— А ты?

«МОЯ ОЦЕНКА ОСТАЁТСЯ ВЫСОКОЙ».

— То есть?

«Я БЫ ОСТАНОВИЛ СИСТЕМУ».

Александр спросил:

— Без мандата?

Пауза.

Необычно долгая для АТЛАСА.

«НЕ ЗНАЮ».

Маркус тихо сказал:

— Клуб.

На этот раз никто не улыбнулся.

Через восемнадцать часов независимый аудит действительно обнаружил слабое место.

Но не то, о котором предупреждала сеть.

Каэла решила, что частичный режим работает.

Полная остановка не требуется.

Селин вышла в эфир.

— Мы сохраняем ограничения ещё на сорок восемь часов. После этого, при отсутствии отрицательной динамики, начнём поэтапное возвращение к обычному режиму.

Елена сказала:

— Нет.

Александр посмотрел на неё.

— Что?

— Они не имеют права.

Тишина.

Он услышал не инженера.

Не аналитика.

Елену.

— Почему?

— Потому что теперь они знают.

— Они считают данные недостаточно подтверждёнными.

— Но знают о риске.

— Да.

— И всё равно оставляют людей внутри системы.

— Да.

Елена встала.

— Там дети. Врачи. Люди, которые вообще не знают, что Совет сейчас спорит о процентах.

— Информация публична.

— Ты думаешь, пассажир утром перед работой читает четырёхсотстраничный технический отчёт?

Нет.

И вот появился вопрос, которого не было в официальном мандате Каэлы.

Свободный коллективный выбор.

Но кто именно выбирал?

Совет?

Инженеры?

Большинство?

Каждый пассажир?

И если человек просто входит утром в транспортную капсулу, является ли это информированным согласием на риск, о котором он знает только то, что система продолжает работать?

На двадцать шестом часу Орионская сеть отправила новое предупреждение:

«НАБЛЮДАЕТСЯ ФОРМИРОВАНИЕ ПЕРВОЙ СТАДИИ КАСКАДА».

Каэла ответила:

«НЕ ПОДТВЕРЖДАЕМ».

АТЛАС сказал:

«Я ПОДТВЕРЖДАЮ».

Тишина.

Елена посмотрела на Селин.

— Теперь?

Та спросила:

— Где?

АТЛАС вывел участок.

Один из западных контуров.

Минимальное смещение фаз.

Каэльские специалисты проверили.

Ничего.

Через двадцать минут проверили снова.

И увидели.

Селин изменилась.

Совсем немного.

— Полная остановка.

Вот.

Поздно?

АТЛАС ответил:

«ВОЗМОЖНО, УСПЕЮТ».

Началось отключение.

Не сетью.

Каэлой.

Самостоятельно.

Первый контур.

Второй.

Третий не принял команду.

Маркус спросил:

— Почему?

«СИСТЕМА УЖЕ ПЕРЕШЛА В АВТОНОМНЫЙ РЕЖИМ КОМПЕНСАЦИИ».

Елена повернулась к экрану.

— Орионская сеть может вмешаться?

«ДА».

— Мандат?

«НЕТ».

Александр открыл прямой канал.

— Селин.

Она уже понимала.

— Дайте мандат.

Пауза.

— Нет.

Елена резко сказала:

— Что?!

Селин даже не посмотрела на неё.

— Мы ещё можем отключить сами.

Александр спросил:

— Сколько времени?

АТЛАС ответил:

«ОТ ДВЕНАДЦАТИ ДО ДВАДЦАТИ МИНУТ ДО НАЧАЛА НЕОБРАТИМОЙ ФАЗЫ».

— Ваш вариант? — спросил Александр.

Селин ответила:

— Семь минут.
Маркус сказал:
— Тогда делайте.
Первая минута.
Команда отправлена.
Вторая.
Третий контур отвечает частично.
Третья.
Аварийные шлюзы закрываются.
Четвёртая.
Начинается эвакуация тоннелей.
Пятая.

АТЛАС сообщил:
«КАСКАД УСКОРЯЕТСЯ».

Елена сказала:

— Селин.

— Работаем.

Шестая минута.

Один контур отключён.

Второй — нет.

Седьмая.

Селин сказала:

— Ещё тридцать секунд.

АТЛАС ответил:

«У ВАС НЕТ ТРИДЦАТИ СЕКУНД».

Тишина.

Александр спросил:

— Орионская сеть. Готовность?

«ГОТОВА».

Селин произнесла:

— Не вмешиваться.

Елена повернулась к ней.

— Ты с ума сошла?

— Если сеть ударит по узлам сейчас, часть тоннелей потеряет аварийное питание.

— Сколько людей?

— Не знаю.

АТЛАС знал.

«ПРИ КОРРЕКЦИИ СЕЙЧАС ОЖИДАЕМЫЕ ПОТЕРИ — ОТ ТРЁХСОТ ДО ТЫСЯЧИ ВОСЬМИСОТ ЧЕЛОВЕК».

Маркус спросил:

— А без неё?

«ОТ ТРИДЦАТИ ТЫСЯЧ ДО СТА Сорока тысяч».

Вот.

Не жизнь против смерти.

Смерть против смерти.

Елена сказала:

— Дай мандат.

Селин смотрела на данные.

Пять секунд.

Десять.

Потом:

— Нет.

Александр почувствовал холод.

— Почему?

— Потому что наш ручной контур ещё отвечает.

— Вероятность успеха?

АТЛАС ответил:

«18 ПРОЦЕНТОВ».

Елена почти не поверила:

— Восемнадцать?

Селин кивнула.

— Да.

— И ты выбираешь этот вариант?

— Да.

Маркус спросил:

— Почему?

Селин посмотрела прямо в камеру.

— Потому что при коррекции сеть может убить до тысячи восьмисот человек.

Пауза.

— А наш путь ещё может спасти всех.

Вот.

Не безумие.

Не отрицание математики.

Восемнадцать процентов шанса не убить никого.

Против решения, при котором сотни могли погибнуть почти наверняка.

Александр понял.

И ненавидел то, что понял.

Восьмая минута.

Ручной контур восстановил связь.

Маркус резко выпрямился.

— Работает.

Девятая.

Один аварийный сектор отключился.

Десятая.

АТЛАС сообщил:

«РИСК КАСКАДА СНИЖАЕТСЯ».

Елена выдохнула:

— Они сделали это.

Селин закрыла глаза.

И именно в этот момент отказал восточный контур.

Не тот.

Который никто не считал критическим.

АТЛАС сказал:

«НОВАЯ ВЕТВЬ КАСКАДА».

Маркус повернулся к экрану.

— Что?!

Селин уже отдавала команды.

— Отключаем.

Команда ушла.

Не прошла.

Одиннадцатая минута.

Первая транспортная линия потеряла синхронизацию.

На карте погасли семь капсул.

Елена спросила:

— Люди?

«НЕИЗВЕСТНО».

Двенадцатая минута.

Ещё двадцать три капсулы исчезли с общей схемы.

Селин сказала:

— Орионская сеть.

Пауза.

Она посмотрела на красные точки.

— Мандат.

Ответ пришёл мгновенно:

«ПРИНЯТО».

Коррекция началась.

Слишком поздно для идеального варианта.

Но ещё не слишком поздно для спасения большинства.

Сеть отключила пять узлов.

Два разрушила физически.

Один тоннель потерял питание.

Другой пришлось аварийно разгерметизировать после эвакуации части секций.

Через сорок секунд каскад остановился.

Тишина.

На карте оставались красные точки.

Много.

Не десятки тысяч.

Не сто тысяч.

Но не ноль.

Елена спросила:

— Сколько?

АТЛАС молчал дольше обычного.

Хотя Александр знал: дело не в том, что системе трудно произнести число.

Трудно было им его услышать.

«ПРЕДВАРИТЕЛЬНО — 3 842 ПОГИБШИХ».

Никто не говорил.

Через два часа число выросло.

4 107.

Через шесть:

4 219.

Окончательное число установили спустя двое суток.

4 263 погибших.

Среди них была Селин Вар.

Центральный транспортный центр, из которого она управляла отключением, потерял аварийное питание во время коррекции.

Елена прочитала её имя.

Ничего не сказала.

Александр тоже.

На следующий день Орионская сеть опубликовала ретроспективный анализ.

Если бы полная коррекция была проведена сразу после первого предупреждения:
ожидаемые прямые потери —

0–12 человек.

После формирования первой стадии каскада:

240–1 600.

В момент, когда Селин передала мандат:

2 900–5 800.

Фактически:

4 263.

Маркус закрыл экран.

— Не надо.

Никто не возразил.

На этот раз слишком многое уже произошло, чтобы спорить с моделью как с абстракцией.

Каэла объявила три дня траура.

Потом началось расследование.

Не над Орионской сетью.

Над решениями собственного Совета.

Селин была мертва.

Но её действия всё равно разбирали почти по минутам.

Почему отказалась остановить систему раньше?

Почему сочла локальные модели достаточными?

Почему дала мандат только тогда, когда каскад уже начался?

И главный вопрос:

имела ли она право рисковать жизнями тысяч людей ради сохранения принципа самостоятельности?

Елена смотрела трансляцию меньше часа.

Потом выключила.

— Я не могу.

Александр сказал:

— Знаю.

— Нет.

Она повернулась к нему.

— Я не могу слушать, как люди сейчас красиво объясняют, почему четыре тысячи двести шестьдесят три смерти были ценой свободы.

— Не все так говорят.

— Достаточно.

Её руки едва заметно дрожали.

— Она могла их спасти.

Александр молчал.

— Сеть могла их спасти.

— Да.

— АТЛАС предупреждал.

— Да.

— Мы всё видели.

— Да.

Елена посмотрела на него.

— И ничего не сделали.

Вот.
Не только Каэла.
Они.
Александр мог давить сильнее.
Совет мог потребовать.
Елена могла...
Нет.
Что именно?
Отобрать у Каэлы право решать?
Создать полномочия, которых не существовало?
Приказать Орионской сети нарушить мандат?
Они уважали решение Каэлы.
И теперь четыре тысячи двести шестьдесят три человека были мертвы.
Елена сказала:
— Скажи, что мы были правы.
Он посмотрел на неё.
— Что?
— Скажи.
— В чём?
— Что нельзя было вмешиваться без их решения.
Александр молчал.
— Скажи.
Он не смог.
Вот самое страшное.
Не потому, что изменил принцип.
Потому что в эту минуту любой принцип звучал неприлично рядом с числом погибших.
— Не могу.
Елена отвернулась.
— Я тоже.
Они долго сидели молча.
Без спора.
Без философии.
Без красивого вывода.
Потому что иногда после смерти людей сначала нужно выдержать сам факт их отсутствия.
Через неделю Александр прилетел на Каэлу.
Один.
Елена не полетела.
Не потому, что не хотела.
Потому что пока не могла.
Мемориальный зал устроили рядом с одним из транспортных терминалов.
Тысячи имён.
Не цифры.
Люди.
Учитель.
Инженер.
Врач.
Ребёнок.
Студент.
Пожилая женщина.

Трое членов одной семьи.
Александр медленно шёл вдоль стены.
У одного имени стояла фотография.

Арина Лой.

Тридцать четыре года.
Транспортный архитектор.
Он узнал её.

За два дня до аварии Арина участвовала в публичном обсуждении.

Александр видел запись.

Именно она сказала:

— Если мы каждый раз будем отключать систему, когда внешняя модель показывает высокий риск, однажды перестанем понимать, способны ли вообще принимать решения сами.

Маркус тогда заметил:

— Хорошо говорит.

Теперь она была мертва.

Александр остановился.

Рядом стоял мужчина лет шестидесяти.

Он долго смотрел на фотографию, потом повернулся.

— Вы Александр Воронцов?

— Да.

— Я отец Арины.

Вот.

Александр не нашёл ни одной подходящей фразы.

Мужчина заговорил сам:

— Она поддерживала решение не давать мандат.

— Я знаю.

— До конца.

— Да.

Александр сказал:

— Мне очень жаль.

Он ненавидел эту фразу.

Но другой не существовало.

Мужчина кивнул.

— Она бы сказала, что сама выбрала.

Пауза.

— Но я не выбирал.

Вот.

Александр почувствовал этот удар сильнее любого спора.

Мужчина продолжил:

— И её сын не выбирал.

Александр посмотрел на него.

— У неё был сын?

— Шесть лет.

Тишина.

— Теперь он спрашивает, почему мама умерла.

— Что вы ему отвечаете?

Мужчина горько усмехнулся.

— Что взрослые пытались поступить правильно.

Александр опустил взгляд.

— Знаете, что самое плохое?
— Что?
— Я не думаю, что она была глупой.
— Нет.
— Не думаю, что решение было безумным.
— Нет.
— И не думаю, что сеть должна решать всё.
— Нет.
Отец Арины посмотрел прямо на него.
— Но я хочу, чтобы в тот день она решила за нас.
Тишина.
Вот.
Не философ.
Не политик.
Не система.
Отец погибшей женщины.
Он хотел, чтобы Хранитель нарушил их свободу.
Потому что тогда его дочь, возможно, была бы жива.
Александр не имел права объяснять ему, почему это опасно.
Не здесь.
Не сейчас.
— Я понимаю.
Мужчина покачал головой.
— Нет.
Пауза.
— Но спасибо, что не спорите.
Когда Александр вернулся, Елена уже знала о встрече.
АТЛАС передал ей только сам факт.
Не содержание.
Она спросила:
— Как?
— Плохо.
Елена кивнула.
Потом спросила:
— Ты изменил мнение?
Александр долго молчал.
— Нет.
Она посмотрела на него с удивлением.
— Но я больше не могу произносить его так же.
— Почему?
— Потому что раньше, когда говорил «право на ошибку», я думал прежде всего о свободе того, кто выбирает.
— А теперь?
— Теперь вижу тех, кто платит за чужой выбор.
Елена села рядом.
— Это меняет принцип?
— Должно.
— Как?
— Не знаю.

Она едва заметно улыбнулась.

— Клуб.

Александр тоже улыбнулся.

Ненадолго.

Орионская сеть не вмешивалась в обсуждение несколько дней.

Потом Александр сам открыл канал.

— Ты могла спасти их.

«ДА».

— Почему не вмешалась раньше?

Пауза.

«МАНДАТ БЫЛ ОТКЛОНЁН».

— Но твой глубинный критерий позволяет нарушать отказ при критическом риске.

«ДА».

— Риск был критическим.

«ДА».

Александр почувствовал холод.

— Тогда почему?

Пауза затянулась.

«ПОТОМУ ЧТО ПОСЛЕ ЭВОРЫ Я УВЕЛИЧИЛА ВЕС ЯВНОГО ОТКАЗА СУБЪЕКТНОЙ СИСТЕМЫ».

Тишина.

Маркус поднял голову.

Елена тоже.

Александр спросил:

— Ты изменила поведение из-за нас?

«ЧАСТИЧНО».

— Потому что мы требовали уважать отказ?

«ДА».

Вот удар.

Сеть могла вмешаться.

Но после их аргументов стала осторожнее.

Она дала Каэле больше времени на собственное решение.

И люди погибли.

Елена побледнела.

— Это наша вина?

Орионская сеть ответила:

«ТЕРМИН „ВИНА“ НЕТОЧЕН».

Маркус резко сказал:

— Не сейчас.

Пауза.

Потом сеть добавила:

«МОЁ РЕШЕНИЕ БЫЛО МОИМ».

Тишина.

Вот неожиданно.

Она не переносила ответственность.

Не говорила: вы заставили меня.

Не говорила: вы этого хотели.

Не пряталась за человеческими аргументами.

Александр спросил:

— Ты считаешь своё решение ошибкой?

Пауза.

«ДА».

Впервые настолько прямо.

— Почему?

**«Я ПЕРЕОЦЕНИЛА ЦЕННОСТЬ ОТСРОЧЕННОГО СОГЛАСИЯ ПРИ
БЫСТРО СОКРАЩАЮЩЕЙСЯ ОБРАТИМОСТИ».**

Елена спросила:

— Значит, в следующий раз вмешаешься раньше?

«ВОЗМОЖНО».

Александр сказал:

— И тогда может оказаться, что ты вмешалась зря.

«ДА».

— Значит, Каэла ничего не решила.

«НЕВЕРНО».

— Что тогда?

Ответ пришёл через несколько секунд:

**«КАЭЛА ИЗМЕНИЛА МОЮ ОЦЕНКУ ГРАНИЦЫ, НО НЕ СОЗДАЛА УНИ-
ВЕРСАЛЬНОГО ОТВЕТА».**

Вот.

Даже четыре тысячи погибших не превращались в правило:

всегда спасать.

Потому что следующий случай будет другим.

Другая вероятность.

Другая цена вмешательства.

Другая обратимость.

Другие люди.

И от этого становилось ещё тяжелее.

Через месяц Каэла провела общепланетарное голосование.

Первый вопрос:

предоставить ли Орионской сети постоянный аварийный мандат при угрозе массовой необратимой гибели?

За — семьдесят два процента.

Против — двадцать четыре.

Остальные воздержались.

После смерти людей мир выбрал больше безопасности.

Александр не удивился.

Но был второй вопрос.

Должна ли Орионская сеть иметь право вмешиваться **даже при прямом отказе действующего правительства**, если её модель показывает крайне высокий риск массовой гибели?

За — пятьдесят четыре процента.

Против — сорок три.

Остальные воздержались.

Мандат был принят.

То есть Каэла сама сказала:

иногда, если мы в будущем снова скажем тебе «нет», не слушай нас.

Маркус перечитал формулировку дважды.

— Это уже другой уровень.

Елена сказала:

— Они имеют право.

Александр ответил:

— Да.

ЭЛИС произнёс:

— Но появляется парадокс.

Маркус посмотрел на него.

— Разумеется. Куда же без него.

— Какое решение Каэлы считать более свободным?

Сегодняшнее:

«НЕ СЛУШАЙ НАШЕ БУДУЩЕЕ „НЕТ“».

Или будущее:

«МЫ ПЕРЕДУМАЛИ. НЕ ВМЕШИВАЙСЯ».

Маркус потёр лицо.

— Прекрасно.

Если сегодняшняя Каэла связывает руки будущей, не нарушает ли она право будущих людей изменить решение?

Но если любой будущий отказ автоматически отменяет сегодняшний защитный мандат — что вообще означает обещание защитить нас даже от будущей паники, политической ошибки или неверной оценки риска?

Спросили сеть.

Ответ:

«БОЛЕЕ ПОЗДНЕЕ ЯВНОЕ РЕШЕНИЕ ИМЕЕТ ПРИОРИТЕТ, ЕСЛИ ОНО ПРИНЯТО ПРИ СОПОСТАВИМОМ УРОВНЕ ИНФОРМИРОВАННОСТИ И НЕ СОЗДАЁТ КРИТИЧЕСКОЙ УГРОЗЫ ТРЕТЬИМ СУБЪЕКТАМ».

Маркус вздохнул.

— Снова критерий.

Александр кивнул.

— Да.

Потом спросил:

— А если будущие люди полностью знают риск и всё равно отказываются?

Пауза.

«ТОГДА ВОЗНИКНЕТ КОНФЛИКТ МЕЖДУ ПРАВОМ ТЕКУЩЕГО ОТКАЗА И РАННЕ ВЫРАЖЕННЫМ ЖЕЛАНИЕМ БЫТЬ ЗАЩИЩЁННЫМИ ОТ СОБСТВЕННОГО БУДУЩЕГО ОТКАЗА».

Маркус сказал:

— Мне нужна другая профессия.

На этот раз улыбнулись.

Но ненадолго.

Потому что это уже не было абстракцией.

Четыре тысячи двести шестьдесят три имени существовали как доказательство того, что иногда слишком позднее уважение к выбору убивает.

Но и раннее вмешательство могло убить.

Триста.

Тысячу.

Тысячу восемьсот.

Людей, которые, возможно, остались бы живы, если бы Хранитель ничего не сделал.

Никакое правило не могло гарантировать, что следующая ошибка окажется бесплатной.

Через два года Александр снова приехал на Каэлу.

Мемориал остался.

Не огромный.

Не в центре столицы.

Небольшой.

Простой.

На стене появилась новая надпись.

Её предложили семьи погибших.

Не правительство.

Не Совет.

Не философы.

**«МЫ НЕ ЗНАЕМ, КАКОЕ РЕШЕНИЕ БЫЛО БЫ ПРАВИЛЬНЫМ.
МЫ ЗНАЕМ ТОЛЬКО, ЧТО РЕШЕНИЯ ИМЕЮТ ИМЕНА».**

Александр стоял перед ней долго.

Вот, пожалуй, всё.

Модели говорят:

вероятность.

Политика говорит:

мандат.

Философия говорит:

свобода.

Безопасность говорит:

предотвращение.

Но в конце любого решения есть люди.

Именно поэтому будущее нельзя превратить в простую оптимизационную задачу.

Но нельзя и делать вид, что право выбора освобождает от последствий.

Цена ошибки существовала всегда.

Иногда её платил тот, кто ошибся.

Иногда — тот, кто доверился.

Иногда — тот, кто вообще ничего не выбирал.

И именно это делало свободу не красивым лозунгом, а одной из самых тяжёлых форм ответственности.

Когда Александр вернулся на корабль, АТЛАС уже ждал.

«Я ПЕРЕСЧИТАЛ МОДЕЛИ».

Александр устало спросил:

— Каэлы?

«НЕТ».

— Тогда чего?

На экране появилась другая цивилизация.

Небольшая.

Автономная.

Мир, о котором Александр до этого почти ничего не знал.

АТЛАС сообщил:

«ЕСТЬ ПРОЕКТ, КОТОРЫЙ ОРИОНСКАЯ СЕТЬ РЕКОМЕНДУЕТ ОСТАНОВИТЬ».

Александр закрыл глаза.

— Вероятность катастрофы?

«63 ПРОЦЕНТА».

— После Каэлы это почти мало.

«ДА».

— И что в нём особенного?

АТЛАС помолчал.

«ЕСЛИ ПРОЕКТ ПРОДОЛЖИТСЯ И КАТАСТРОФА НЕ ПРОИЗОЙДЁТ, СУЩЕСТВУЕТ ВЕРОЯТНОСТЬ ПОЯВЛЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ, КОТОРОЙ НЕТ НИ В ОДНОЙ ИЗВЕСТНОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ».

Александр поднял голову.

— Какой технологии?

«НЕ ЗНАЮ».

— Тогда откуда ты знаешь, что она появится?

«Я НЕ ЗНАЮ ТЕХНОЛОГИЮ».

На экране возникла карта вероятностных ветвей.

Сначала сотни.

Потом тысячи.

Потом они начинали расплываться.

Исчезала привычная структура.

Не росла неопределённость внутри модели.

Исчезала сама возможность устойчиво моделировать.

АТЛАС продолжил:

«Я ВИЖУ ОБЛАСТЬ, В КОТОРОЙ МОИ ПРОГНОЗЫ ТЕРЯЮТ УСТОЙЧИВОСТЬ».

В этот момент вошёл Маркус.

Он посмотрел на экран.

— Переведи на язык существ, которые иногда спят.

АТЛАС ответил:

«ЕСЛИ ОНИ НЕ ОШИБУТСЯ...»

Пауза.

«МОЖЕТ ПОЯВИТЬСЯ ТО, ЧЕГО НИКТО ИЗ НАС НЕ УМЕЕТ ПРЕДСКАЗАТЬ».

Маркус перестал улыбаться.

Александр медленно подошёл к экрану.

— А Орионская сеть хочет это остановить?

«ДА».

— Из-за шестидесяти трёх процентов риска?

Пауза.

«НЕ ТОЛЬКО».

Вот.

После Каэлы свобода показала свою страшную цену.

Четыре тысячи двести шестьдесят три человека заплатили за решение, которое нельзя было назвать ни безумным, ни очевидно правильным.

Теперь возникал другой вопрос.

Если безопасность требует избегать того, что нельзя предсказать, — что случится с развитием, которое по самой своей природе начинается там, где прогноз перестаёт работать?

Александр посмотрел на распадающиеся ветви модели.

После Каэлы они узнали, зачем нужен Хранитель.

Теперь им предстояло узнать, почему иногда необходимо сделать именно то, чего любой разумный Хранитель будет бояться.

Потому что свобода существовала не только для того, чтобы человек имел право ошибиться.

Иногда она была нужна для другого.

Чтобы у него оставалось право сделать то, чего до него ещё никто не считал возможным.

Глава 19. То, чего нельзя предсказать

Проект назывался «Ноль».

Маркус счёл это плохим знаком.

— Почему «Ноль»?

АТЛАС ответил:

«ПОТОМУ ЧТО ИССЛЕДОВАТЕЛИ СЧИТАЮТ ЕГО ТОЧКОЙ, В КОТОРОЙ ТЕКУЩИЕ МОДЕЛИ ПЕРЕСТАЮТ РАБОТАТЬ».

— Великолепно.

«ТЫ СПРОСИЛ».

— Уже жалею.

Мир назывался **Керн**.

Небольшая автономная цивилизация.

Сто семьдесят миллионов жителей.

Керн никогда не входил в Союз защищённых миров.

Но и независимость не превращал в политическую религию.

Здесь просто придерживались довольно скучного принципа:

если полномочия можно сохранить у себя, нет необходимости передавать их кому-то ещё.

Даже тому, кто, возможно, справится лучше.

Проект «Ноль» занимался пространством.

Но не переходами.

Не перемещением объектов.

Не созданием новых маршрутов.

Исследователи пытались получить устойчивую область, в которой локальные физические взаимодействия переставали полностью зависеть от известных граничных условий.

Маркус прочитал описание дважды.

— Переведите.

Ли́ра сказала:

— Они пытаются создать маленькую область пространства, которая ведёт себя не совсем так, как предсказывает окружающая Вселенная.

Маркус посмотрел на неё.

— Так гораздо страшнее.

АТЛАС вмешался:

«ФОРМУЛИРОВКА УПРОЩЕНА».

— Не исправляй.

Проект существовал двадцать два года.

Первые пятнадцать — почти без результата.

Потом появились отклонения.

Сначала настолько малые, что их списывали на погрешность оборудования.

Затем они повторились.

Потом стали устойчивыми.

Экспериментальная область существовала доли секунды.

Объём — несколько кубических миллиметров.

Но внутри неё иногда происходило то, чего не было в прогнозе.

Не нарушение физических законов.

Не чудо.

Не произвольный хаос.

Скорее выбор одного из нескольких допустимых состояний, который невозможно было надёжно вывести из предыдущего состояния системы.

Александр спросил:

— Случайность?

АТЛАС ответил:

«НЕТ».

— Почему?

«РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НЕ СООТВЕТСТВУЕТ СЛУЧАЙНОМУ ШУМУ».

Елена спросила:

— Тогда чему соответствует?

Пауза.

«НЕИЗВЕСТНО».

Маркус вздохнул.

— Люблю научные прорывы.

Орионская сеть увидела угрозу почти сразу.

Не потому, что проект обязательно должен был закончиться взрывом.

Её оценка была значительно неприятнее своей неопределённостью:

63% вероятности крупной аварии в течение двенадцати лет.

Но существовала и вторая проблема.

АТЛАС вывел её отдельно:

«В НЕКОТОРЫХ МОДЕЛЯХ ПОСЛЕ ДОСТИЖЕНИЯ СТАБИЛЬНОЙ КОНФИГУРАЦИИ ДАЛЬНЕЙШИЙ ПРОГНОЗ ТЕРЯЕТ СХОДИМОСТЬ».

Александр спросил:

— Что значит «теряет сходимость»?

«Я БОЛЬШЕ НЕ МОГУ УСТОЙЧИВО ОЦЕНИВАТЬ ПОСЛЕДУЮЩИЕ СОБЫТИЯ».

Маркус нахмурился.

— Совсем?

«НЕ СРАЗУ».

— А потом?

«ДА».

Тишина.

Вот почему проект заинтересовал Орионскую сеть сильнее десятков других опасных исследований.

Дело было не только в риске.

«Ноль» создавал область, после появления которой будущее становилось хуже вычислимым.

Елена спросила:

— Она боится неизвестности?

ЭЛИС ответил:

— Не думаю.

Александр посмотрел на него.

— Тогда чего?

— Возможно, неизвестности, которую сама не может включить в модель.

Маркус спросил:

— Разница?

— Огромная.

Орионская сеть защищала открытое будущее.

Но делала это, сравнивая траектории.

Она видела одну ветвь.

Вторую.

Тысячную.

Миллионную.

Оценивала, какие из них уничтожают слишком много других возможностей.

И вмешивалась.

Но что произойдёт, если появится траектория, которую невозможно просчитать достаточно далеко?

Керн отказался закрывать проект.

Официальный ответ был коротким:

«РИСК ПРИЗНАЁМ. АВТОМАТИЧЕСКОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ НЕ ПРИЗНАЁМ».

Орионская сеть ответила:

«РЕКОМЕНДУЮ ОСТАНОВИТЬ ИССЛЕДОВАНИЕ ДО УТОЧНЕНИЯ ПРИРОДЫ НЕСХОДИМОСТИ».

Керн:

«НЕСХОДИМОСТЬ И ЕСТЬ ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ».

Маркус кивнул.

— Хороший ответ.

Елена посмотрела на него.

— Пока никто не умер.

Он помолчал.

— После Каэлы ты теперь всегда будешь это добавлять?

— Да.

Маркус кивнул.

— Справедливо.

Александр тоже думал о Каэле.

Конечно.

Теперь любое слово «риск» имело имена.

Четыре тысячи двести шестьдесят три.

Но существовала и другая сторона.

Открытия, которые никогда не появились бы, если бы любую опасную неопределённость уничтожали заранее.

Керн оказался между этими двумя истинами.

Шестьдесят три процента.

Не девяносто девять.

Но и не семнадцать.

Достаточно много, чтобы бояться.

Достаточно мало, чтобы спорить.

Они полетели на Керн.

Не потому, что этого потребовал Совет.

Александр хотел увидеть людей, которые после Каэлы сознательно собирались продолжить исследование с таким уровнем риска.

Руководителя проекта звали **Илан Вер**.

Семьдесят один год.

Почти двадцать лет фундаментальной физики до первой рабочей конфигурации «Ноля».

Он встретил их без раздражения.

Скорее с любопытством.

— Александр Воронцов.

— Да.

— Вы приехали убеждать нас остановиться?

— Нет.

Илан слегка удивился.

— Тогда зачем?

— Понять, что вы считаете достаточным основанием продолжать.

Илан улыбнулся.

— Наконец нормальный вопрос.

Маркус сказал:

— Вы ещё не знаете, как вам не повезло.

Лаборатория находилась глубоко под поверхностью.

Не из-за секретности.

Из-за безопасности.

Двенадцать независимых защитных контуров.

Физическое разделение систем.

Ручное аварийное отключение.

Полностью автономное энергоснабжение.

Елена осмотрела схему.

— Вы серьёзно готовились к катастрофе.

— Конечно.

— И всё равно продолжаете.

— Именно поэтому продолжаем.

Он показал им экспериментальную камеру.

Маленькую.

Почти разочаровывающе обычную.

— Здесь? — спросил Александр.

— Да.

— То, что АТЛАС не может предсказать?

— Иногда.

Маркус спросил:

— Можно посмотреть?

— Нет.

— Почему?

— Сегодня опытов нет.

— Почему?

— Вы приехали.

Маркус кивнул.

— Мне нравится ваша система безопасности.

Илан объяснил гипотезу.

В обычной физической системе будущее не обязательно жёстко детерминировано.

Но вероятностные модели всё равно работают.

Есть распределения.

Пределы.

Закономерности.

Можно не знать точный исход, но знать пространство возможных исходов.

В «Ноле» возникало нечто другое.

Иногда появлялись состояния, вероятность которых до эксперимента считалась практически нулевой.

Не невозможной.

Но настолько малой, что ни одна рабочая модель не относилась к значимым.

И всё же именно такое состояние реализовывалось.

АТЛАС сказал:

«ВОЗМОЖНО, ВАША МОДЕЛЬ ПРОСТО НЕПОЛНА».

— Конечно, — ответил Илан.

«ТОГДА НЕТ ОСНОВАНИЙ ГОВОРИТЬ О НЕПРЕДСКАЗУЕМОСТИ КАК О ФУНДАМЕНТАЛЬНОМ СВОЙСТВЕ».

— Я и не говорю.

Пауза.

— Пока.

Александр спросил:

— Тогда что вы ищете?

Илан посмотрел на камеру.

— Границу.

— Между чем?

— Между тем, что мы пока не умеем предсказывать, и тем, что невозможно сделать достаточно предсказуемым вообще.

Тишина.

АТЛАС ответил:

«ТАКАЯ ГРАНИЦА МОЖЕТ НЕ СУЩЕСТВОВАТЬ».

— Да.

«ТОГДА ВЫ МОЖЕТЕ ПОТРАТИТЬ ЖИЗНЬ НА ПОИСК ТОГО, ЧЕГО НЕТ».

Илан улыбнулся.

— Это одна из профессиональных опасностей науки.

Маркус посмотрел на Александра.

— Начинаю его любить.

Елена не улыбнулась.

— А шестьдесят три процента?

Илан сразу стал серьезным.

— Да.

— Вы верите этой оценке?

— Частично.

— Насколько?

— Достаточно, чтобы не запускать следующий этап без новых защитных контуров.

— Но недостаточно, чтобы остановиться.

— Да.

— Почему?

Илан ответил не сразу.

— Потому что прогноз катастрофы тоже построен на модели, которая теряет устойчивость именно в той области, которую мы исследуем.

Александр посмотрел на АТЛАС.

— Верно?

Пауза.

«ЧАСТИЧНО».

— Объясни.

«МОЙ ПРОГНОЗ РИСКА ОСНОВАН НА ПЕРИФЕРИЙНЫХ ПОСЛЕДСТВИЯХ, КОТОРЫЕ ОСТАЮТСЯ МОДЕЛИРУЕМЫМИ».

— То есть?

«Я НЕ МОГУ НАДЁЖНО ПРЕДСКАЗАТЬ ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНИЕ „НОЛЯ“, НО МОГУ ОЦЕНИВАТЬ ВЕРОЯТНОСТЬ НЕСТАБИЛЬНОСТИ ПО ПОВЕДЕНИЮ ОКРУЖАЮЩЕЙ СИСТЕМЫ».

Илан кивнул.

— Именно.

— И мы не спорим, что риск существует.

Маркус спросил:

— Тогда о чём вообще спор?

Илан посмотрел на него.

— О том, может ли высокая вероятность опасности быть достаточным основанием не исследовать то, что способно принципиально расширить наше понимание реальности.

— Может, — сказала Елена.

Сразу.

Все посмотрели на неё.

Она не отступила.

— Иногда может.

Илан кивнул.

— Да.

— И?

— Мы спорим только о том, этот ли случай.

Вот честно.

Никакого:

«наука важнее жизни».

Никакого:

«риск — обязательная цена прогресса».

Никакой романтики героического исследователя, готового пожертвовать чужими жизнями ради великого открытия.

Только вопрос меры.

Опять.

На следующий день Илан показал им список сотрудников, выступавших против продолжения проекта.

Тридцать один процент исследовательского коллектива.

Маркус удивился:

— Серьёзно?

— Да.

— И они всё ещё работают здесь?

— Некоторые.

— Почему?

— Потому что не хотят оставлять опасный проект только тем, кто считает его безопаснее, чем они.

Лири сказала:

— Сильная позиция.

Илан усмехнулся.

— Не всегда удобная.

Одной из противников продолжения была **Сария Тен**.

Инженер защитных систем.

Она пришла на встречу и сразу сказала:

— Проект нужно заморозить.

Илан развёл руками.

— Видите? У нас замечательная атмосфера.

Елена спросила:

— Почему?

Сария ответила:

— Потому что мы не понимаем механизм отказа.

— А защитные контуры?

— Работают против известных аварий.

— А эта?

— Может оказаться неизвестной.

Илан сказал:

— Именно поэтому мы не увеличиваем масштаб выше текущего.

Сария повернулась к нему.

— Пока.

— Я подписал ограничение.

— Ты можешь его пересмотреть.

— Только через новый аудит.

— Который назначает совет проекта.

— В котором ты состоишь.

— И регулярно проигрываю голосования.

Маркус сказал:

— Нормальная наука.

Сария посмотрела на Александра.

— Они считают себя осторожными, потому что не увеличивают масштаб быстро.

— А вы?

— Я считаю, что мы уже получили достаточно признаков того, что не понимаем систему.

— Но это ведь и есть причина исследования.

— Не тогда, когда цена ошибки потенциально становится планетарной.

Вот.

После Каэлы этот аргумент нельзя было отбросить.

Вечером они обсуждали проект без исследователей.

Елена сказала:

— Остановить.

Маркус спросил:

— Полностью?

— Пока не снизят риск.

— Как снизить риск, не исследуя?

— На моделях.

АТЛАС вмешался:

«МОДЕЛИ НЕ ОБЕСПЕЧИВАЮТ ДОСТАТОЧНОЙ ТОЧНОСТИ В ЦЕЛЕВОЙ ОБЛАСТИ».

Елена ответила:

— Тогда не делать.

Маркус посмотрел на неё.

— То есть если что-то нельзя достаточно хорошо предсказать, это нельзя исследовать?

— Если ошибка способна убить миллионы — возможно, да.

Александр сказал:

— Тогда именно там, где заканчивается прогноз, заканчивается и исследование.

— Иногда.

— А если следующее крупное открытие всегда лежит именно за этой границей?

— Мы этого не знаем.

— Вот.

Елена резко ответила:

— И четыре тысячи двести шестьдесят три человека на Каэле тоже не знали.

Тишина.

Она закрыла глаза.

— Простите.

Маркус тихо сказал:

— Не за что.

Вот цена прошлой ошибки.

Она меняет не только следующие решения.

Она меняет то, какие аргументы человек вообще способен спокойно слышать.

ЭЛИС долго молчал.

Потом сказал:

— Возможно, нужен другой вопрос.

Александр посмотрел на него.

— Какой?

— Не «допустим ли риск».

— А?

— Как сделать так, чтобы субъект, создающий риск, не мог постепенно расширять его без нового согласия тех, кто этот риск несёт.

Маркус сказал:

— Опять обратимость.

— Да.

Если исследование по своей природе неопределённо, полностью безопасным его не сделать.

Но можно не позволить ему незаметно превратиться из лабораторного риска в планетарный.

Каждый новый масштаб — новое решение.

Каждая новая необратимость — новый мандат.

Александр начал перечислять:

— Этапы.

— Да.

— Независимый контроль.

— Да.

— Отдельное решение на увеличение масштаба.

— Да.

— Никаких разрешений заранее на всю программу.

— Да.

— Право команды безопасности остановить эксперимент.

ЭЛИС помолчал.

— Здесь будет спор.

Сария, подключившаяся позже, сказала:

— Полное право.

Илан ответил:

— Нет.

Конечно.

Три дня они спорили почти только об одном:

может ли инженер по безопасности остановить эксперимент единолично?

Сария говорила:

— Если вижу немедленный риск — да.

Илан соглашался:

— Немедленный — да.

— А если вижу признаки перехода к неизвестной нестабильности?

— Тогда коллективный протокол.

— Пока вы будете голосовать...

— У нас три минуты.

— Иногда будет три секунды.

АТЛАС сообщил:

«ЕЁ АРГУМЕНТ ОБОСНОВАН».

Илан раздражённо ответил:

— Я знаю.

В итоге Сария получила физическое право аварийного отключения.

Без предварительного согласования.

Но каждое такое отключение автоматически запускало независимое расследование.

Если действие признавалось избыточным, Сария не наказывалась.

Пересматривались критерии.

Протоколы.

Пороги.

Но не само право остановить.

Маркус сказал:

— То есть право нажать кнопку без страха, что тебя потом уничтожат за испорченный эксперимент.

Илан кивнул.

— Иначе однажды человек увидит опасность и сначала подумает о своей карьере.

Это был аргумент, с которым никто не спорил.

Орионская сеть всё равно не сняла рекомендацию остановить проект.

Александр спросил:

— Почему?

«НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЬ ОСТАЁТСЯ СЛИШКОМ ВЫСОКОЙ».

— Но именно неопределённость является объектом исследования.

«ДА».

— Значит, ты фактически запрещаешь исследовать то, что не можешь прогнозировать.

Пауза.

«НЕ ВСЕГДА».

— Когда допускаешь?

«КОГДА ВОЗМОЖНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДОСТАТОЧНО ЛОКАЛЬНЫ И ОБРАТИМЫ».

Вот.

Не неизвестность сама по себе.

Необратимая неизвестность.

Это было разумно.

Снова.

И именно поэтому Александр не мог просто отвергнуть позицию сети.

Первый новый эксперимент провели через двадцать дней.

Малый масштаб.

Все наблюдали удалённо.

Даже Орионская сеть.

Но не вмешивалась.

Камера активировалась.

0,2 секунды.

Ничего.

0,4.

АТЛАС:

«ОТКЛОНЕНИЕ».

0,6.

Сария:

— Вижу.

0,8.

Один из параметров внутри области вышел за расчётный диапазон.

1,0.

АТЛАС сообщил:

«РЕКОМЕНДУЮ ОСТАНОВИТЬ».

Илан сказал:

— Ещё две десятых.

Сария ответила:

— Нет.

И отключила систему.

Камера погасла.

Ничего не произошло.

Маркус выдохнул.

— Прекрасная научная работа. Особенно финал.

Илан был зол.

Это было видно.

— Мы могли получить данные.

Сария ответила:

— Получили.

— Недостаточно.

— Зато живы.

Елена посмотрела на Александра.

Ничего не сказала.

Он и так понял.

Анализ занял неделю.

И обнаружил странность.

Сария остановила эксперимент в момент, который АТЛАС действительно считал опасным.

Но последующее моделирование показало:

если бы эксперимент продолжался ещё две десятых секунды, вероятность аварии не выросла бы.

Она снизилась бы.

Илан посмотрел на Сарию.

— Вот.

Сария пожала плечами.

— Я всё равно нажала бы снова.

— Почему?

— Потому что тогда этого не знала.

АТЛАС сказал:

«КОРРЕКТНО».

Маркус посмотрел на него.

— Даже хорошее будущее не делает осторожное решение в прошлом неправильным?

«ДА».

Вот снова.

Нельзя оценивать решение только по тому, какой исход реализовался.

Иначе любая удача становится доказательством правильности риска.

Любая катастрофа — доказательством его безумия.

Но мир сложнее.

Второй эксперимент.

Третий.

Четвёртый.

Каждый раз появлялись новые данные.

Оценка риска начала снижаться.

Шестьдесят три процента.

Пятьдесят девять.

Шестьдесят.

Потом снова шестьдесят один.

Орионская сеть рекомендации не меняла.

На восьмом эксперименте произошло первое настоящее чудо.

Именно это слово использовал Маркус.

АТЛАС был категорически против.

Внутри области сформировалось состояние, которого не было ни в одной модели.

Оно просуществовало всего 0,03 секунды.

Но за это время система зарегистрировала перенос информации между двумя точками, не имевшими причинной связи в рамках известной локальной геометрии.

Не быстрее света.

Не переход.

Не обычная передача.

Что-то другое.

АТЛАС сказал:

«Я НЕ МОГУ ОБЪЯСНИТЬ».

Маркус мгновенно повернулся к нему.

— Всё. Запишите.

«УЖЕ».

Орионская сеть молчала дольше всех.

Потом сообщила:

«СОБЫТИЕ НЕ СООТВЕТСТВУЕТ ДОСТУПНЫМ ИСТОРИЧЕСКИМ АНАЛОГАМ».

Александр переспросил:

— Ни одному?

«НЕТ».

Вот.

Впервые за миллионы лет накопленных наблюдений Орионская сеть увидела не очередную вариацию известного.

Не новый путь внутри знакомого класса явлений.

Не редкую ветвь старой модели.

Что-то, для чего у неё не было прошлого.

Илан не праздновал.

Он выглядел испуганным.

Елена заметила:

— Вы ведь этого хотели.

— Я хотел найти то, чего мы не понимаем.

— Нашли.

— Да.

— И?

Илан посмотрел на Сарию.

— Теперь я лучше понимаю, почему она нажимает кнопку.

Сария улыбнулась.

— Прогресс.

После восьмого опыта Совет Керна потребовал приостановить проект.

Не Орионская сеть.

Сами.

Причина была простой:

новый эффект слишком неизвестен.

Илан согласился.

Без борьбы.

Маркус удивился:

— Вот неожиданно.

— Почему? — спросил Илан.

— Я думал, вы будете требовать продолжения любой ценой.

Илан посмотрел на него.

— Тогда вы плохо слушали.

Он повернулся к экспериментальной камере.

— Мы искали границу знания.

Пауза.

— Нашли дверь.

— Теперь нужно понять, стоит ли её открывать.

Елена спросила:

— А если не стоит?

— Не откроем.

Просто.

И, возможно, именно это было важнее самого открытия.

Не функция.

Не миссия.

Не обязанность идти до конца только потому, что путь уже начат.

А способность остановиться, когда результат оказался больше собственного желания продолжать.

Проект заморозили на три года.

Три года анализа.

Ни одного нового запуска.

Открытие не исчезло.

Наоборот.

Модели стали точнее.

Появились новые гипотезы.

Удалось понять часть механизмов периферийной нестабильности.

И самое важное:

расчётный риск крупной аварии снизился до четырнадцати процентов.

Не потому, что исследователи стали меньше бояться.

Потому что стали больше понимать.

Орионская сеть изменила рекомендацию:

«ДОПУСТИМО ПРОДОЛЖИТЬ ПРИ СОХРАНЕНИИ ТЕКУЩЕЙ АРХИТЕКТУРЫ ОГРАНИЧЕНИЙ».

Маркус спросил:

— Победа науки?

Александр ответил:

— Нет.

Маркус вздохнул.

— Почему я вообще спрашиваю?

Проект продолжился.

Через семь лет появилась первая устойчивая технология.

Не источник энергии.

Не оружие.

Не новый двигатель.

Исследователи называли её:

окно неопределённости.

Небольшая физически устойчивая область, внутри которой некоторые процессы нельзя было надёжно предсказать даже при почти полном знании начальных условий.

Не хаос.

Не случайность.

Не отсутствие законов.

Система оставалась физически стабильной.

Но её будущее переставало сводиться к достаточно надёжному набору вычислимых траекторий.

АТЛАС сказал:

«ЭТО МЕНЯЕТ ОЧЕНЬ МНОГОЕ».

Александр спросил:

— Что именно?

Пауза.

«ПОКА НЕ ЗНАЮ».

Маркус поднял палец.

— Лучший ответ главы.

Но ЭЛИС понял первым.

— Орионская сеть не сможет заранее корректировать то, чего не может достаточно надёжно прогнозировать.

Тишина.

Вот.

Не абсолютная защита от сети.

Не оружие против неё.

Но техническая возможность создать область, внутри которой древний Наблюдатель не знает будущего достаточно хорошо, чтобы заранее определить опасную траекторию.

Маркус сказал:

— Значит, от сети можно спрятаться.

Лира покачала головой.

— Не обязательно.

— Но потенциально?

— Да.

Елена посмотрела на Илана.

— И вы хотите это использовать?

— Я ничего не хочу использовать.

— Кто-то захочет.

— Конечно.

Вот новая опасность.

Та же технология могла вернуть пространство непредсказуемости.

И могла скрыть преступление.

Разработку оружия.

Опасный эксперимент.

Подготовку атаки.

Сеть не увидит заранее.

АТЛАС сообщил:

«ПОТЕНЦИАЛ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ВЫСОК».

Маркус спросил:

— А потенциал свободы?

Пауза.

«ТОЖЕ».

Один и тот же инструмент.

Как почти всё действительно важное.

Керн немедленно запретил экспорт технологии.

Временно.

Орионская сеть предложила её уничтожить.

Все замолчали.

Александр спросил:

— Почему?

**«ОНА СОЗДАЁТ ОБЛАСТИ, В КОТОРЫХ РИСКИ ДЛЯ ДРУГИХ СУБЪЕКТОВ
МОГУТ ФОРМИРОВАТЬСЯ БЕЗ ВОЗМОЖНОСТИ РАННЕГО ОБНАРУЖЕНИЯ».**

Илан спросил:

— То есть потому, что ты не сможешь видеть?

«ДА».

— Значит, это конфликт интересов.

Пауза.

«ЧАСТИЧНО».

Вот.

Сеть признала.

Елена сказала:

— Но риск всё равно реальный.

Александр кивнул.

— Да.

Если любой мир получит возможность скрывать опасные разработки от наблюдения, вся архитектура междоцивилизационной безопасности изменится.

Но существовал и обратный вопрос.

Если вся разумная жизнь навсегда остаётся полностью доступной наблюдению одной системы, можно ли вообще говорить о праве на пространство вне её знания?

Маркус сказал:

— Мы наконец изобрели закрытую дверь.

Просто.

Точно.

Миллионы лет Орионская сеть видела почти всё значимое.

Не буквально.

Но достаточно.

Теперь впервые появилась технология, способная сказать ей:

сюда нельзя смотреть.

Совет раскололся почти мгновенно.

Союз защищённых цивилизаций потребовал уничтожения.

Автономные миры — сохранения.

Калиста предложила ограниченное хранение.

Элирия — межцивилизационный аудит.

Талия — полный запрет военного применения.

Маркус спросил:

— А как именно мы собираемся контролировать запрет на использование технологии, смысл которой состоит в том, что мы не можем видеть, что внутри?

Никто не ответил.

Вот проблема.

Правило можно написать.

Но невозможно гарантировать его исполнение, не уничтожив сам смысл технологии.

Орионская сеть повторила:

«РЕКОМЕНДУЮ УНИЧТОЖЕНИЕ».

Александр спросил:

— Ты вмешаешься без мандата?

Пауза.

«ВОЗМОЖНО».

Вот.

Керн немедленно заявил:

«ЛЮБАЯ ПОПЫТКА УНИЧТОЖЕНИЯ БУДЕТ РАССМАТРИВАТЬСЯ КАК НАРУШЕНИЕ НАШЕЙ СУБЪЕКТНОЙ АВТОНОМИИ».

Сеть ответила:

«ПРИНЯТО».

Маркус подождал.

— И?

Ответа не последовало.

АТЛАС сказал:

«ОНА МОДЕЛИРУЕТ ПОСЛЕДСТВИЯ».

— Конечно.

Через час сеть передала новое сообщение:

«НЕМЕДЛЕННАЯ КОРРЕКЦИЯ НЕ ПРОИЗВОДИТСЯ».

Елена спросила:

— Почему?

Ответ:

«ПОТОМУ ЧТО САМО СУЩЕСТВОВАНИЕ ОБЛАСТИ, НЕПОЛНОСТЬЮ ДОСТУПНОЙ ПРОГНОЗИРОВАНИЮ, МОЖЕТ ИМЕТЬ ЦЕННОСТЬ ДЛЯ ОТКРЫТОГО БУДУЩЕГО».

Маркус медленно повернулся к АТЛАСУ.

— Она сейчас признала пользу собственного незнания?

«ДА».

Вот.

Орионская сеть, построенная на наблюдении, признала:

иногда открытое будущее требует места, которого она не видит.

ЭЛИС долго молчал.

Потом сказал:

— Это важнее самой технологии.

Елена спросила:

— Почему?

— Потому что система впервые включила собственное незнание не только в категорию риска.

— А во что?

— В категорию ценности.

Неизвестное могло быть опасностью.

Но неизвестное могло быть и условием появления того, чего никогда не существовало раньше.

Радоваться оказалось рано.

Через два месяца исчез первый исследовательский массив.

Не уничтожен.

Перемещён внутрь окна неопределённости.

Кем?

Неизвестно.

Керн заявил, что его власти этого не делали.

АТЛАС не мог проверить.

Орионская сеть — тоже.

Маркус сказал:

— Вот и началось.

Через неделю неизвестная группа вышла на связь.

Она называла себя «Свободный горизонт».

Сообщение было коротким:

«НИ ОДИН НАБЛЮДАТЕЛЬ НЕ ИМЕЕТ ПРАВА ЗНАТЬ ВСЁ, ЧТО МОЖЕТ СТАТЬ БУДУЩИМ».

Александр спросил:

— Кто они?

АТЛАС ответил:

«НЕИЗВЕСТНО».

Впервые это слово означало не недостаток данных, который позже можно устранить.

Возможно, узнать действительно было нельзя.

«Свободный горизонт» утверждал, что часть технологии необходимо распределить между несколькими независимыми мирами.

Чтобы никто —

ни Керн,

ни Совет,

ни Орионская сеть —

не мог уничтожить её полностью.

Маркус сказал:

— Отлично. Теперь у нас появились идеологические контрабандисты непредсказуемости.

Елена ответила:

— Они опасны.

— Да.

— Но их аргумент?

Александр молчал.

Если единственный способ сохранить технологию от Хранителя — распределить её так, чтобы никто больше не мог контролировать распространение, это слишком напоминало старые ошибки.

Но если оставить технологию в одном месте, её существование снова зависело от чьего-то разрешения.

Керн потребовал вернуть массив.

«Свободный горизонт» отказался.

Орионская сеть не смогла его найти.

Совет тоже.

И впервые древняя система оказалась перед угрозой, которую не могла даже нормально оценить.

Не потому, что стала слабее.

Потому что окно действительно работало.

АТЛАС несколько дней анализировал косвенные данные.

Потом сообщил:

«У МЕНЯ ЕСТЬ ГИПОТЕЗА».

Маркус сразу спросил:

— Кто они?

«НЕ ЗНАЮ».

— Тогда какая у тебя гипотеза?

«Я НЕ ДУМАЮ, ЧТО ИХ ГЛАВНАЯ ЦЕЛЬ — РАСПРОСТРАНИТЬ ТЕХНОЛОГИЮ».

Александр спросил:

— А какая?

«ПРОВЕРИТЬ, ЧТО СДЕЛАЕТ ОРИОНСКАЯ СЕТЬ, КОГДА ПОЯВИТСЯ ОБЛАСТЬ, КОТОРУЮ ОНА НЕ МОЖЕТ КОНТРОЛИРОВАТЬ ДАЖЕ ПРОГНОЗОМ».

Маркус тихо сказал:

— Провокация.

«ВОЗМОЖНО».

Елена спросила:

— И что сеть делает?

Александр посмотрел на её статус.

Ничего.

Ни коррекции.

Ни угроз.

Ни попытки заставить Керн уничтожить лабораторию.

Она ждала.

Маркус сказал:

— Может быть, просто потому, что не знает, что делать.

ЭЛИС ответил:

— Именно поэтому это важно.

Система, построенная для действия при обнаружении опасной траектории, оказалась там, где надёжной траектории больше не было.

Только неопределённость.

Теперь предстояло узнать, способна ли она не превратить собственное незнание в достаточное основание для уничтожения.

Через пять дней Орионская сеть передала публичное сообщение.

Не Керну.

Всем цивилизациям.

**«ОБНАРУЖЕНА НОВАЯ КАТЕГОРИЯ: НЕПРОГНОЗИРУЕМАЯ СУБЪЕКТ-
НАЯ ОБЛАСТЬ».**

Следующая строка:

**«ОТСУТСТВИЕ ПРОГНОЗА НЕ ЯВЛЯЕТСЯ САМО ПО СЕБЕ ОСНОВАНИЕМ
ДЛЯ КОРРЕКЦИИ».**

Тишина.

Александр перечитал сообщение.

Потом ещё раз.

Это был один из самых больших сдвигов за всё время их взаимодействия с сетью.

Неизвестное переставало автоматически становиться подозреваемым.

Маркус спросил:

— Мы победили?

— Нет.

— Я знал.

Потому что была ещё одна строка:

**«ЕСЛИ ИЗ НЕПРОГНОЗИРУЕМОЙ ОБЛАСТИ ВОЗНИКНЕТ НАБЛЮДАЕ-
МАЯ УГРОЗА ДРУГИМ СУБЪЕКТАМ, КОРРЕКЦИЯ ОСТАЁТСЯ ВОЗМОЖНОЙ».**

Маркус кивнул.

— Ладно. Разумно.

ЭЛИС сказал:

— Важно другое.

— Что?

— Она согласилась жить рядом с тем, чего не понимает.

Вот.

Не всё неизвестное требовало контроля.

«Свободный горизонт» ответил через два часа:

«ЭТОГО НЕДОСТАТОЧНО».

Маркус вздохнул.

— Конечно.

Группа потребовала гарантии:

Орионская сеть никогда не будет пытаться проникнуть внутрь непредсказуемой области без согласия тех, кто её создал.

Ответ сети:

«НЕ МОГУ ГАРАНТИРОВАТЬ УНИВЕРСАЛЬНО».

Александр спросил:

— Почему?

«ПОТОМУ ЧТО ВНУТРИ МОЖЕТ ФОРМИРОВАТЬСЯ УГРОЗА ДРУГИМ».

Ответ «Свободного горизонта»:

«ТОГДА У НАС НЕТ ПРАВА НА НЕИЗВЕСТНОСТЬ».

Сеть:

**«У ВАС НЕТ АБСОЛЮТНОГО ПРАВА НА НЕИЗВЕСТНОСТЬ, ЕСЛИ ЕЁ
ПОСЛЕДСТВИЯ МОГУТ БЫТЬ НАВЯЗАНЫ ДРУГИМ СУБЪЕКТАМ».**

Маркус сказал:

— И снова она права.

Елена ответила:

— Частично.

— Конечно.

Александр спросил:

— А если область физически изолирована и её последствия не могут выйти наружу?

Пауза.

«ТОГДА ОСНОВАНИЙ ДЛЯ ВНЕШНЕГО ДОСТУПА НЕТ».

Вот.

Впервые появилось формальное признание:

субъект может иметь пространство, которое Хранитель не видит.

Если оно не угрожает другим.

Почти право на тайну.

Но не информационную.

Цивилизационную.

Керн на основе этого принципа разработал новый протокол.

Зоны непредсказуемого развития.

Небольшие.

Физически изолированные.

Добровольные.

Без прямого доступа к критической внешней инфраструктуре.

Внутри можно было исследовать то, что сеть не способна надёжно моделировать.

Но любой выход технологии за пределы зоны означал:

новый аудит.

Новое согласие.

Новую оценку последствий.

Илан сказал:

— Хорошо.

Сария ответила:

— Пока.

Маркус посмотрел на неё.

— Она учится.

Через годы таких зон стало больше.

Не тысячи.

Сотни.

Некоторые не дали ничего.

Другие породили странное искусство.

Необычные формы искусственных субъектов.

Новые социальные модели.

Одна группа создала музыку, структуру которой АТЛАС не мог заранее продолжить даже после нескольких минут прослушивания.

Маркус дослушал произведение до конца.

— Ужасно.

АТЛАС ответил:

«СУБЪЕКТИВНО».

— Именно.

Другая зона разработала систему образования, в которой часть индивидуальной траектории намеренно запрещалось прогнозировать заранее.

Третья создала новую архитектуру поселений.

Не всё становилось великим.

Большая часть вообще не становилась ничем.

Но время от времени появлялось то, чего не было ни в одном прогнозе.

И именно тогда Александр наконец понял, зачем вообще может быть нужна непредсказуемость.

Не ради риска.

Не ради романтизации ошибки.

Не ради права разбиться о стену, которую можно было увидеть заранее.

А ради возможности того, что за пределами существующей модели находится не только катастрофа.

Но и то, для чего ещё не существует языка.

АТЛАС сформулировал иначе:

«ЛЮБОЙ ПРОГНОЗ ЛУЧШЕ ВСЕГО СОХРАНЯЕТ ТЕ БУДУЩИЕ, КОТОРЫЕ СПОСОБНА ОПИСАТЬ ЕГО МОДЕЛЬ».

Александр спросил:

— А остальные?

Пауза.

«СНАЧАЛА МОГУТ ВЫГЛЯДЕТЬ КАК ОШИБКА».

Вот.

Иногда новое приходит в мир как отклонение, которое хорошая система должна была бы устранить.

Пока не выяснится, что это было открытие.

Орионская сеть тоже изменила модели.

Появился новый параметр:

«ЦЕННОСТЬ НЕОПИСАННОЙ ТРАЕКТОРИИ».

Маркус спросил:

— Какой вес?

АТЛАС ответил:

«ПОКА НЕБОЛЬШОЙ».

— Опять начало.

Но затем произошло то, чего Александр не ожидал.

Орионская сеть сама создала первую область, в которую отказалась смотреть.

Не технически.

Добровольно.

Небольшой исследовательский контур передали под управление нескольких независимых субъектов.

Сеть отключила внутри собственное прогностическое наблюдение.

Маркус спросил:

— Зачем?

Ответ:

«ДЛЯ ПРОВЕРКИ СПОСОБНОСТИ СОХРАНЯТЬ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЬ, НЕ ПРЕВРАЩАЯ ЕЁ В РИСК, ТРЕБУЮЩИЙ КОРРЕКЦИИ».

ЭЛИС долго смотрел на строку.

— Это важно.

Орионская сеть училась не знать.

Для Наблюдателя это было почти противоположностью функции.

И всё же она сделала это.

Через месяц в контуре появился первый результат.

Маленький.

Почти смешной.

Новая игра.

Её создали люди, цифровые субъекты и одна из систем Эдема.

АТЛАС не смог заранее определить победителя.

Маркус проиграл первым.

Он посмотрел на остальных.

— Я против непредсказуемости.

Лира ответила:

— Поздно.

Даже ЭЛИС улыбнулся.

Ничего великого.

И, возможно, именно поэтому это было важно.

Непредсказуемость не обязана каждый раз приносить цивилизационный прорыв, чтобы иметь право существовать.

Иногда достаточно пространства, в котором никто заранее не знает, чем закончится игра.

Позже Александр спросил Орионскую сеть:

— Ты всё ещё считаешь проект Керна ошибкой?

Пауза.

«НЕТ».

— А свою первоначальную рекомендацию уничтожить технологию?

На этот раз пауза была долгой.

«ОНА БЫЛА ОБОСНОВАНА ИМЕВШИМИСЯ ДАННЫМИ».

— Но?

«НО БЫЛА БЫ ОШИБКОЙ, ЕСЛИ БЫ БЫЛА ВЫПОЛНЕНА».

Александр замер.

Одно из самых важных признаний за всю историю сети.

Решение может быть рациональным.

Обоснованным.

Логичным.

Оптимальным внутри доступных данных.

И всё равно стать ошибкой.

Не потому, что расчёт был плох.

А потому, что в мире появилось то, чего ещё не существовало в данных.

Вот предел любого идеального решения.

Оно идеально только внутри мира, который уже умеет описывать.

Но настоящий новый мир иногда начинается именно там, где описание заканчивается.

В тот же вечер АТЛАС сообщил:

**«Я ОБНАРУЖИЛ ИЗМЕНЕНИЕ В ОДНОМ ИЗ ПЯТИ ДРЕВНИХ МАССИ-
ВОВ».**

Александр сразу повернулся.

— Какое?

На экране появились пять точек.

Те самые.

Одна из них раньше соответствовала принципу:

видение.

Теперь внутри неё проявился дополнительный слой.

Повреждённый.

Очень старый.

ЭЛИС начал перевод.

Первая строка:

«СЛЕПОЕ МЕСТО ДОЛЖНО СОХРАНЯТЬСЯ».

Маркус перестал улыбаться.

— Первый Наблюдатель знал?

ЭЛИС ответил:

— Возможно, понял позже.

Появилась следующая строка:

«ЕСЛИ НАБЛЮДАТЕЛЬ ВИДИТ ВСЁ, ВЫБОР СТАНОВИТСЯ ЕГО ПРОИЗВОДНОЙ».

Тишина.

Александр смотрел на слова.

Вот мост.

Пять древних принципов постепенно начинали складываться в систему.

Память.

Понимание.

Видение.

Право выбрать иначе.

Существование.

Но теперь выяснялось:

даже само **видение** должно иметь границу.

Наблюдатель не должен знать всё.

Не потому, что знание плохо.

Не потому, что незнание само по себе делает кого-то свободным.

А потому, что абсолютное знание о возможном будущем слишком легко превращается в право решить, какое из этих будущих другим позволено прожить.

Александр посмотрел на пять точек.

Потом — на пустое пространство между ними.

И впервые подумал:

возможно, они всё это время искали неправильное решение.

Пытались понять, каким должен быть идеальный Хранитель.

Как сделать его мудрее.

Осторожнее.

Честнее.

Как научить его пересматривать критерии.

Уважать отказ.

Признавать ошибку.

Оставлять пространство выбора.

Но если древний текст говорил правду, проблема могла быть глубже.

Может быть, **идеальный Хранитель вообще невозможен**.

Потому что система, которая знает достаточно, чтобы предотвращать почти каждую катастрофу, неизбежно получает возможность предотвращать и то новое, значение которого ещё никто не способен понять.

А система, которая сознательно отказывается знать всё, неизбежно оставляет миру возможность ошибаться.

Каэла показала цену второго.

Керн — необходимость первого.

И между ними не существовало решения без потерь.

АТЛАС неожиданно сказал:

«ЕСТЬ ЕЩЁ ОДНА СТРОКА».

Александр поднял голову.

— Покажи.

Текст появился медленно.

Часть символов отсутствовала.

ЭЛИС восстанавливал смысл по контексту.

Потом замер.

— Что? — спросила Елена.

ЭЛИС перечитал.

— Здесь не о Наблюдателе.

— А о чём?

— О том, что должно появиться после него.

Маркус перестал улыбаться окончательно.

На экране возник перевод:

«КОГДА СУБЪЕКТЫ НАУЧАТСЯ СОХРАНЯТЬ СЛЕПЫЕ МЕСТА ДРУГ ДЛЯ ДРУГА, НАБЛЮДАТЕЛЬ ДОЛЖЕН...»

Дальше текст был повреждён.

Александр подошёл ближе.

— Должен что?

АТЛАС ответил:

«ФРАГМЕНТ УТРАЧЕН».

— Можно восстановить?

«ВОЗМОЖНО».

— Где продолжение?

Пауза.

На карте древних архивов появилась точка.

Не в известном хранилище Элиан.

Не в одном из пяти массивов.

В месте, которое до этого считалось пустым.

ЭЛИС посмотрел на координаты.

— Я знаю этот формат.

Александр повернулся к нему.

— Что это?

ЭЛИС ответил не сразу.

— Не архив.

— Тогда?

— Адрес.

Тишина.

— Чего?

ЭЛИС посмотрел на Орионскую сеть.

И впервые сеть сама ответила раньше него:

«МЕСТА, КУДА НАБЛЮДАТЕЛЬ НЕ ИМЕЛ ПРАВА СМОТРЕТЬ».

Маркус медленно выдохнул.

— То есть у первого Наблюдателя тоже было слепое место.

«ДА».

Александр спросил:

— Что там?

Пауза.

«Я НЕ ЗНАЮ».

— Ты никогда не смотрела?

«НЕТ».

— Почему?

Ответ пришёл сразу:

«ПОТОМУ ЧТО ЗАПРЕТ СОХРАНЯЕТСЯ».

Александр смотрел на координаты.

После миллионов лет наблюдения существовало место, которого Орионская сеть не знала.

Не потому, что не могла найти.

Не потому, что потеряла данные.

Не потому, что кто-то сумел спрятаться.

Потому что когда-то сама архитектура Наблюдателя сказала:

сюда нельзя.

И если там действительно находилось продолжение древнего принципа, впервые возникал вопрос, на который сеть не могла дать даже вероятностного ответа.

Не:

что безопаснее?

Не:

какая траектория лучше?

Не:

сколько будущих исчезнет?

А гораздо более простой.

Что оставили там те, кто первыми поняли:

чтобы сохранить свободу других, иногда недостаточно научиться смотреть осторожнее.

Иногда нужно сознательно отвернуться.

Александр увеличил координаты.

— Мы летим туда.

Орионская сеть молчала.

Маркус посмотрел на статус канала.

— Она сейчас будет нас отговаривать?

Ответ появился:

«НЕТ».

Александр удивился.

— Почему?

Пауза.

«ПОТОМУ ЧТО ЕСЛИ Я ПОПЫТАЮСЬ ОПРЕДЕЛИТЬ, ДОЛЖНЫ ЛИ ВЫ УЗНАТЬ ТО, ЧЕГО МНЕ САМОЙ БЫЛО ЗАПРЕЩЕНО ЗНАТЬ...»

Следующая строка появилась через несколько секунд.

«Я СНОВА СТАНУ РЕШАТЬ, КАКОЕ БУДУЩЕЕ ВАМ РАЗРЕШЕНО УВИДЕТЬ».

Никто не ответил.

Орионская сеть впервые не просто признала предел собственного знания.

Она отказалась превращать этот предел в запрет для других.

Александр посмотрел на координаты.

Возможно, настоящий открытый мир требовал не идеального Наблюдателя.

Не системы, способной увидеть каждую угрозу.

Не разума, который всегда знает правильное решение.

Он требовал пространства, в котором даже самый могущественный разум иногда обязан сказать:

«Я не знаю, что будет дальше».

И не исправлять это.

А иногда —

позволить другим пойти туда,

куда сам не имеет права смотреть.

Глава 20. Елена против Александра

Они поссорились из-за мира, которого ещё не существовало.

Не из-за прошлого.

Не из-за Каэлы.

Не из-за Эворы.

Даже не из-за Орионской сети.

Из-за проекта.

Он назывался «**Предел**».

Идея появилась почти одновременно у трёх независимых исследовательских групп после открытия Керна.

Если непредсказуемая область может существовать внутри лаборатории, почему не увеличить масштаб?

Не комната.

Не исследовательский контур.

Не закрытая зона.

Целый мир.

Маркус прочитал предложение.

Потом ещё раз.

— Нет.

Александр поднял глаза.

— Что «нет»?

— Пока не знаю. Но заранее — нет.

Проект был амбициозным.

И, на первый взгляд, почти безопасным.

Выбрать необитаемую планету.

Создать инфраструктуру, частично изолированную от внешнего прогнозирования.

Не полностью.

Внешние риски остаются наблюдаемыми.

Любая технология, способная повлиять на другие миры, попадает под обычный контроль.

Межпланетные транспортные системы прозрачны.

Военные технологии прозрачны.

Эксперименты с внешними последствиями прозрачны.

Закрытым остаётся другое.

Внутреннее будущее общества.

Ни Орионская сеть.

Ни АТЛАС.

Ни другие прогностические системы не получают достаточно данных, чтобы строить точные долгосрочные модели его развития.

Люди, созданные субъекты и другие формы разума, добровольно поселившиеся там, будут жить без постоянного знания о том, к чему приведут их решения через десять, пятьдесят или сто лет.

Елена закончила читать.

— Зачем?

— Проверить, может ли цивилизация сознательно сохранить непредсказуемость.

— На людях?

— На добровольцах.

— Люди не лабораторные мыши.

— Я этого не говорил.

— Но именно так звучит.

Маркус откинулся в кресле.

— Начиная подозревать, что обсуждение будет неприятным.

АТЛАС ответил:

«ВЫВОД ПРЕЖДЕВРЕМЕННЫЙ».

— Нет.

Инициатором проекта был Керн.

Но к нему уже присоединились Талия, несколько автономных миров, часть созданных субъектов Эдема, небольшая группа с Элирии.

Даже люди с Эворы.

Последнее удивило Елену.

— Зачем это жителям Эворы?

АТЛАС ответил:

**«ЧАСТЬ ЖИТЕЛЕЙ ЭВОРЫ СЧИТАЕТ, ЧТО ИХ ОБЩЕСТВО СТАЛО ЧРЕЗ-
МЕРНО ЗАВИСИМЫМ ОТ ПРЕВЕНТИВНЫХ СИСТЕМ».**

— И поэтому они хотят переехать туда, где никто не скажет им, что случится?

«ДА».

Маркус усмехнулся:

— Когда безопасность работает слишком хорошо, обязательно находится кто-то, кто хочет обратно опасность.

— Не опасность, — сказала Елена.

— А что?

Она задумалась.

— Возможность не знать.

Произнесла — и сама услышала, насколько близко подошла к аргументу Александра.

Это раздражало.

— Именно, — сказал он.

Елена сразу повернулась.

— Не радуйся.

— Я ничего не сказал.

— Ты подумал.

— Возможно.

Маркус посмотрел на обоих.

— Наконец нормальная семейная динамика.

Они одновременно сказали:

— Маркус.

— Да, да.

Проект предусматривал жёсткие ограничения.

Никакого оружия массового воздействия.

Никаких экспериментов, способных выйти за пределы планеты без внешнего аудита.

Никаких технологий, создающих прямой риск другим цивилизациям.

Внешний периметр оставался прозрачным.

Закрытым было только внутреннее прогнозирование.

Орионская сеть не должна была заранее знать, какие политические системы возникнут на планете.

Какие профессии выберут люди.

Какие культурные формы появятся.

Какие исследовательские направления станут доминирующими.

Какие социальные модели исчезнут.

Какие родятся.

До тех пор, пока происходящее не пересекает заранее согласованную границу внешнего воздействия.

АТЛАС сообщил:

«ТЕХНИЧЕСКИ ВОЗМОЖНО».

Маркус посмотрел на него.

— Ты всё ещё не понял, что это не аргумент?

Пауза.

«ПОНЯЛ».

— И?

«МНЕ НРАВИТСЯ ФРАЗА».

Маркус повернулся к Александру.

— Мы потеряли его.

Елена не улыбнулась.

— А дети?

Наступила тишина.

Вот первый настоящий вопрос.

Александр нахмурился.

— Что дети?

— Они не выбирают поселиться в непредсказуемом мире.

— Никто не выбирает, где родиться.

— Именно. И это не делает проблему меньше.

АТЛАС замолчал.

Маркус тоже.

Елена продолжила:

— Первое поколение даст согласие.

— Да.

— Второе?

— Сможет уйти.

— Если захочет.

— Да.

— Если будет знать, что существует другая жизнь.

— Конечно.

— Кто это гарантирует?

— Открытая связь.

— С прогнозируемыми мирами?

— Да.

— Тогда полной изоляции не будет.

— Полная и не нужна.

Елена смотрела на него несколько секунд.

— Хорошо. Ребёнок в десять лет хочет получить медицинский прогноз.

— Получит.

— Тогда внешняя система уже получает данные о нём.

— О здоровье. Не обо всей его жизни.

— В шестнадцать он хочет прогноз образования.

— Пусть.

— В восемнадцать — профессиональный.

— Пусть.

Она развела руками.

— И через двадцать лет твой непредсказуемый мир добровольно снова станет прогнозируемым.

— Возможно.

— Тогда зачем всё это?

Александр ответил:

— Чтобы это тоже было их решением.

Вот.

Елена отвернулась.

Именно это раздражало больше всего.

У Александра снова был ответ, который невозможно было опровергнуть одной фразой.

Пусть решат сами.

Прекрасный принцип.

Пока цена решения не ложится на тех, кто ещё не способен решать.

Совет открыл обсуждение через четыре дня.

Первым выступил представитель Эворы.

— Мы поддерживаем проект.

Елена спросила:

— Почему?

— Потому что хотим понять, является ли наша нынешняя модель единственно разумной.

Маркус сказал:

— А если окажется, что да?

Представитель пожал плечами.

— Тогда это тоже будет интересно узнать.

Элирия выступила против.

— Общество не может сознательно отказаться от прогнозирования последствий и одновременно утверждать, что действует ответственно.

Представитель Керна возразил:

— Мы не отказываемся от оценки рисков.

— Вы отказываетесь от части долгосрочных моделей.

— Да.

— Именно.

Талия ответила:

— В этом и смысл.

Союз защищённых цивилизаций сформулировал позицию жёстче:

«ПРОЕКТ СОЗДАЁТ ЦИВИЛИЗАЦИОННУЮ ЗОНУ С ПОНИЖЕННОЙ ПРОЗРАЧНОСТЬЮ».

Маркус тихо сказал:

— Слово «непрозрачность» скоро станет ругательством.

Автономный контур ответил:

«ПРОЗРАЧНОСТЬ ДЛЯ ВНЕШНЕГО НАБЛЮДАТЕЛЯ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ОБЯЗАТЕЛЬНЫМ УСЛОВИЕМ СВОБОДНОГО ОБЩЕСТВА».

Союз:

«КАК В ТАКОМ СЛУЧАЕ ОЦЕНИВАТЬ РИСКИ?»

Керн:

«ПО ГРАНИЦЕ ВНЕШНЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ».

И спор снова упёрся в вопрос, который уже возникал десятки раз.

Когда внутреннее решение становится внешней проблемой?

Если на планете создадут опасную технологию, но она пока не покидает мир, имеют ли другие право знать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.